

The illustration depicts a woman with long, flowing brown hair and light blue eyes, wearing a light blue dress with a white collar. She is underwater, surrounded by green seaweed and bubbles. Her hair is being held by a hand from above, and another hand is visible at the bottom right. The overall tone is ethereal and mysterious.

Елена Колмих

Воды Нави: Зорья

Елена Колмих
Воды Нави: Зорья

«Автор»

2026

Колмих Е.

Воды Нави: Зорья / Е. Колмих — «Автор», 2026

Зорья — двоедушница, носительница редкого дара, который позволяет ей балансировать между Навью и Явью. Но её сила — это и проклятие. Замкнутый отец, чьё внимание она отчаянно пытается заслужить, видит в ней лишь напоминание о потерях, а тени былых ошибок преследуют её на каждом шагу. Когда Зорья решает бросить вызов судьбе, её поступки запускают цепь событий, в которых переплетаются судьбы друзей, врагов и даже тех, кого она считала случайными знакомыми. Теперь ей предстоит не только доказать отцу свою ценность, но и разгадать тайну, способную изменить всё, во что она верила. Сможет ли она обуздать свою двойственную природу, или тьма, что ждёт её впереди, поглотит не только её мир, но и тех, кого она любит?

Примечания автора: История находится в одной вселенной с данной игрой: "Тайны Мира: Мертвый Лес". Однако, события происходящие в "Воды Нави: Зорья", происходят за долго событий визуальной новеллы.

© Колмих Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Колмих

Воды Нави: Зорья

Пролог.

Она с любопытством смотрела в окно; на поляне, недалеко от терема, играли дети. Шуму от них было много: смех и крики, и даже слова можно было расслышать на втором этаже. Зорья поджала губы от зависти и обиды, она смотрела на пустой лист перед собой. Обладая с малых лет особым зрением, что могло дать заглянуть под завесу мироздания, она была вынуждена усердно учиться, учиться и ещё раз учиться.

Всё это вызывало раздражение. За окном же день за днём другие дети веселились. И от этого сердце ещё больше разъедало и Зорье хотелось плакать. Иалу — наставник письма и знания о мире, велел каждый день упражняться в написании слов, дабы в будущем не посрамить безграмотностью семью. Он даже подарил ей дорого украшенную харатью с пустыми листами, чтобы ей было интересно. Но к семейному ремеслу, к ведовству и даже к письму её сердце не стремилось. Всё казалось слишком чуждым. Бросив очередной взгляд на играющую детвору, она ощутила одиночество. Будто между ними была безмерная пропасть, что только увеличивалась день ото дня.

В такие минуты Зорья лишь вспоминала добрые слова родителя, который верил в её усилия когда-то.

Рука замедлялась над бумагой, и мысли уносились вдаль. Записать свою жизнь? Будто это не имело особого смысла. Хотя, сегодняшний день был особенным — ей предстояло обручить душу с духом-предком. Другие видящие выбирали путь одиночки, но лишь у Зорьи не было выбора. Ещё в детстве привели её к Волхву, и тот не нашёл иного спасения для маленького ребенка. Её души разделили на две части, отдав одну в залог иному миру, под защиту с обещанием вернуть в назначенный час и даровать защиту предков. Тех, кто мог быть не родным по крови, но кто проложил дорогу для каждого живущего ныне.

Воспоминания были яркими до сих пор: вокруг голоса, они зовут за собой, маленькая забирается на печь, чтобы никто её не тронул, и морозный холод пробирается до самых косточек, а на улице жаркий полдень.

«Если бы батюшка не попросил позвать матушку оттуда... Нет, о таком нельзя думать! Я бы сделала это в любом случае сама».

Ведь когда это произошло, то именно он пришел и спас её — свою дочь. После чего и отдана была Зорька на обучение к местному Волхву, который приходил, когда сам того хотел. В деревне, несмотря на юный возраст Зорьки, в деревне возлагали на неё большие надежды. И все же сегодня девочке особенно хотелось, чтобы единственный родитель обратил внимание на старания, которые она прикладывала. С каждым летом она трудилась и узнавала, как можно больше для помощи батюшке в поисках матушки. И вместе с тем, ей казалось, он утрачивал всякий интерес к ней. Будто ее помощь больше была не нужна. Как она желала всем сердцем похвастаться батюшке и позвать его на обряд.

Вот она стоит у зеркала.

Девочка пыталась поправить венец на голове, но не получалось. Всем она была недовольна: то платье топорщилось, то головной убор съезжал с головы. В этот момент бабушка тихо зашла в комнату, и что-то во внучке напомнило Велимире Павловне дочь. Улыбка Зорьи, непоседливый характер, детская неряшливость, свойственные Сонье.

- Ну, кто ж так делает? — всплеснула руками женщина, показательно охая. — Давай помогу.

- Бабушка? — девочка хотела было возмутиться на чужую помощь, но предатель-венец съехал на лоб, закрывая обзор.

Та начала хлопотать над внучкой, подтягивая ленты на алом сарафане да поправляя косу, что растрепалась от усердия Зорьи. Наряд на ней хоть и был свадебного цвета, но никого это не смутило бы в деревне. Ведь первая «свадьба» у двоедушицы со своим духом-охранителем, который проведет с ней всю их смертную жизнь, а потом уже с дорогим для сердца человеком. Такой же обряд прошла и матушка девочки, когда прошло с её рождения тринадцать лет, как и ей сейчас.

- Матушка очень бы гордилась тобой, - тепло произнесла бабушка, любуясь внучкой. - Такой красавицей выросла. Ты так на неё похожа... Она любила заплетать бусины в волосы.

Внучка вздрогнула и посмотрела на бабушку. Не то чтобы о матушке редко говорили в их семье, но каждый раз это ощущалось как нечто сокровенное. Велимира Павловна рассказывала о подвигах Соньи, о том, как матушка сражалась. Будто это была не женщина, что дала Зорье жизнь, а персонаж сказок. Батюшка же старался вообще не говорить об умершей жене.

- Благодарю, - смущенно пробубнила Зорья, подхватив пальцами темно-русую косу, да ковыряя в ней бусинку цвета клюквы, за что и получила шлепком по ладони.

Вскрикнув больше от неожиданности и уже готовясь возмутиться, она осеклась — бабушкин строгий взгляд пресёк всякое желание проявлять свой характер, впрочем, не всегда у неё это вообще получалось. Да и сама Зорья понимала, что вредная привычка могла портить старания, с которыми её нарядили.

- А ну не порть красу, только поправили, а ты опять начинаешь! — получила она надзирательное покачивание пальцем от Велимиры Павловны, чтобы не повадно было ей вновь дергать бусины из волос.

- Бабулечка, - тихо начала девочка, заметно нервничая, отчего на очах наливались крупные слезинки. Она поджала губы и тихо произнесла. — К батюшке сходить хочу, попросить, чтобы встретил на рассвете, когда будет «вознесение».

- А реветь-то чего? Сходи, коли хочешь, - развела руками женщина. - Работает он. Света белого не видел девятницу как, так, может, уже выйдет, подышит воздухом ради дитя своего!

От этого замечания девочка весело хихикнула, припоминания ссоры бабушки с батюшкой, когда его чуть ли не насильно выгоняли от дома. Он в тайне брал книги на улицу и садился недалеко от мест, где занималась дочка. Зорья ценила такие моменты, ведь тогда она понимала, что не безразлична родителю.

Пройдя тихим шагом, стараясь не наступать на скрипучие половицы, она остановилась рядом с резной дубовой дверью, за которой были покои Владимира. Еле отодвинув это препятствие в сторону, девочка заглянула внутрь. Первое, что бросалось в глаза в помещении, — не застеленная постель, на которой валялось множество разных свитков и харатий, такие были и на полках. Особенно интересными Зорье казались приборы для вычисления времени и положения Месяца и Луны в тот или иной день.

За столом у открытого окна она увидела сторбленную фигуру батюшки. Воздух в комнате, казалось, сопротивлялся свежему ветру и был тяжелым от собранной пыли, и это при том, что даже сейчас мужчина сидел у открытого окна. Зажжённое светило под потолком мало освещало помещение. С каждым шагом Зорьки к отцовскому столу пол шумно скрипел, звук, подобный грому, но батюшка не замечал этого. А вот ей казалось, что нужно шагать ещё тише, словно нарушает священную тишину, царящую в этих покоях.

- Батюшка!

Он отреагировал не сразу. Мужчина медленно повернулся к ней и смерил суровым взглядом. Владимир увлекался учением, однако его телосложение не было щуплым. Для маленькой Зорьи батюшка так и вообще выглядел как большой медведь. Несравнимо с изящным наставником грамоты. Давным-давно Владимир служил при княжьем дворе, а потом ушел и стал заниматься учениями. Это случилось после смерти Соньи – матери Зорьки. Она хорошо помнила эту историю, а точнее сказку...

«...И должен был смелый юноша погибнуть в битве против страшного врага, но спасла его смелая двоедушница с алым соколом. И любовь их была столь невероятна, что позволила пройти все битвы бок о бок» - таков был краткий пересказ.

Сия история воспевалась сказителями, как романтическая сказка. Владимир смущался такой славы, но Соня лишь посмеивалась над этим, когда была жива. А потом всё позабылось, включая имена истинных героев, и осталась только песня, которую изредка исполняют на праздниках, да Зорька – как доказательство родительской любви.

Суровый мужчина смягчился, сосредоточившись на девочке, и ласково погладил её по щеке. Сейчас и он на мгновение вспомнил жену, его взгляд наполнился нежностью и болью:

- Что-то случилось?

- Нет, просто... - на мгновение она замялась, собираясь с духом, и произнесла. - Вы же придете на рассвете меня встречать после «Ночи покаяния»?

Была причина, по которой девочка упоминала только эту часть события. Ведь «Ночь покаяния» была лишь частью церемонии соединения с духами. Всю ночь двоедушники должны не спать и взывать к природе, молиться за землю духам, просить благословить их и очищаться от тьмы в сердце. Для юной девушки все это казалось чем-то посторонним и незнакомым, пугающим. И потому Зорья думала, что разжалобит этим сердце батюшки. Позже ритуала, на рассвете, происходила церемония вознесения, где каждый юный Видящий, вступающий на путь двух душ, навсегда связывал себя с тем Навым духом.

Батюшка не спешил отвечать, смотря на медленно заходящее Ярило, да почесывал густую бороду.

- Я постараюсь, - наконец ответил он, а затем добавил. - Тебе стоит поспешить.

Воодушевленная Зорька выскочила из комнаты, радостно топоча по лестнице со второго этажа, при этом придерживая венец на голове.

- Экий кабанчик у нас тут завелся, - смеялась ей вслед бабушка, собираясь за внучкой на выход.

Стебельки травинки неприятно щекотали щиколотки под платьем, пока она бежала наискось через поле, где ещё утром пасся местный скот. Бабушка уже давно отстала, не спеша, идя по тропинке. И пока Ярило подходило за край земли, то сердце Зорьи всё чаще билось в ожидании обряда.

Кроме неё на поляне близ берёз были мальчик и девочка. Она не смогла разглядеть их лица. Мальчик, уже почти юноша, был ощутимо старше и выше, чем Зорья. На его лице была странная деревянная маска, образ которой она никогда и не видела ранее, а из-под нее торчали включенные волосы. Маска чем-то напоминала вытянутое человеческое лицо с звериными чертами и узорами, отпугивающими злых рещт. Наряд был схож с ритуальными, но незнакомый. Узоры другие.

Наряд незнакомки был почти такой же, как у юноши: алый сарафан в узорах иных, подвязанный под грудью лентами, под ним была белоснежная рубашка, а вместо венца на голове было множество лент, однако рост был ниже. Краем глаза Зорья заметила, как подходит бабушка, потому отвела пристальный взгляд от незнакомых детей, решив, что за подобное могут и отругать. Оглядывая рошу и дома, она продолжала рассматривать с любопытством детей. Ей ужасно хотелось подойти и спросить у них, кто они и откуда. Однако воспитание и стеснение не позволяли ей этого сделать. Хоть Зорья не видела их лиц, но незнакомцы не выглядели враждебными – скорее казались отстраненными. Множество противоречий мучили девочку, пока она пыталась понять, кем бы они могли быть. Между тем даже момент был вполне располагающий для беседы – роша, перед которой они стояли, всё еще пустовала.

Вновь она соблазнилась и глянула на детей, подмечая их необычные соломенные волосы. У всех в её деревне были чуть более темный оттенок, отливающие при свете солнца медью

и золотом, а не желтизной. Это завораживало. Вот, если бы она могла набраться смелости и подойти к ним...

Деревья березовой рощи задрожали листвой, говоря о приближении кого-то. Босыми ногами можно было почувствовать, как дрожит земля. Зорька вздрогнула и напряглась всем телом, вытягиваясь в струнку.

К ним шел Волхв.

Нельзя было сказать точно, сколько же ему лет, было лишь понятно, что мужчина, чьи следы не оставались на траве, был очень давно стар. Голову его украшал венец, не дающий седым волосам спускаться на лицо. Одет был волхв в белый наряд, украшенный красными и золотыми узорами, казалось, что его только-только постирали и высушили. Однако его внешний вид никогда не менялся от занятия к занятию, будто само время замерло вокруг мудреца. А в его волосах и бороде никогда не застревали соринки, даже если мужчина спал на земле.

Видела Зорька волхва один раз в девятницу на протяжении восьми лет, после того случая. Но за это время ей так и не удалось узнать наставника близко, в отличие от учителя грамоты Иалу. Будучи всегда отстраненным в общении, волхв несомненно вызывал уважение, потому что даже так мудрец подробно разъяснял ей её ошибки и говорил о выборе будущего пути.

Однажды он её спросил:

- Дитя, ты уверена, что не хочешь получить новое имя? – Волхв редко обращался к ней по имени.

- Это имя — всё, что осталось от матушки, — тихо ответила Зорья, закусывая губу, стараясь не плакать.

- Не сдерживай слезы, — качнул он головой. — Если таково твое решение, то не отступай от него.

- Как думаете, моя мама стала добрым духом?

- Вряд ли именно твоя мама будет тебя защищать, — усмехнулся старик и направил перстень в середину груди. — Но её любовь всегда будет с тобой.

Дорогие сердцу слова поддерживали её всё это время, помогая идти вперед и бороться с бесконечной обидой, затаённой в сердце, что соседствовала с любовью к близким.

Как только волхв остановился напротив детей, он три раза ударил посохом о землю, отчего висящие на нем обереги весело звякнули в такт. Все присутствующие напряженно ждали его слов. И хотя девочка этого не видела, но Велимира Павловна, вежливо поклонившись, отошла на несколько шагов назад, задевая подолом сарафана пшено.

- Сегодня важный день, - произнес вечно седовласый мужчина, обводя взглядом детей. — День «начала» - когда вы очиститесь от своих горестей и сможете впустить духов, что будут оберегать вас.

Мужчина опустил всем весом на посох, тот слегка закрипел. Внимательным взглядом светлых глаз он остановился на Зорьке, будто обращаясь к ней и при этом ко всем:

- В эту ночь вы можете услышать много вещей, которые покажутся правдой, не являясь ею. Сохраняйте силу своего сердца и закаляйте его, словно булатный меч, способный в будущем разрубить любые препятствия.

Закончив речь, он развернулся в сторону берёзовой рощи, за которой начинался лес, и пошёл вперёд. Первыми за ним шли дети в масках, а затем и Зорька. Она оглянулась назад, где в поле стояла бабушка и улыбалась ей вслед. Велимиру Павловну освещало заходящее Ярило, и тени деревьев не доходили до подола её платья. Отчего-то защемило сердце у внучки, словно незажившая старая рана, которой и не могло быть. И от этого странного чувства слёзы накатили на глаза, она попыталась улыбнуться, неловко махнув рукой, тут же отворачиваясь, быстро вытирая рукавом подступившие слёзы. Закусив губу, Зорька попыталась успокоиться и отвлечься на грядущее.

Березовая роща смешивалась с другими деревьями, появлялось больше юных и вековых дубов. Сюда часто доходили местные жители за грибами и ягодами, когда наступал месяц-хмурень и все листья окрашивались в яркие цвета, да народ собирал последний урожай.

А они уходят всё глубже и глубже, в лес, знакомый ей с детства, что больше казался Зорье незнакомым, в какой-то мере даже чужим. Хотя, может, это было из-за того, что незаметно наступила ночь, и тропу освещал только Месяц, Луна же, «умирая», показывалась лишь узкой линией ногтя. Из звуков вокруг было только шуршание травы под ногами. Каждый раз, когда позади них скрипели деревья, Зорья вздрагивала, и её сердце замирало. Шаг за шагом она старалась вспоминать слова, сказанные в напутствие волхвом.

«Нужно быть храброй», — сказала она, сжимая кулак у груди.

И стоило ей моргнуть...

Лучина стояла возле её ног, утопая в мягком влажном мху. Это был единственный источник света.

Никого.

Холод от самых пяток до основания шеи пробил Зорью мерзкой дрожью. Мгновение назад она слышала шаги спутников и видела их спины. Однако теперь она была одна, а вместо них был взявшийся из ниоткуда огонек. Дрожащей рукой она взяла лучину в руку, слегка запачкав пальцы, и запах смолы и дыма резко заполнил пространство вокруг девочки. Это успокаивало и навевало воспоминания, как она делала такие лучины для обрядов упокоения усопших, которые проводила её семья для всей деревни.

Неужели это и было её испытание? Не так себе она его представляла.

Крепко сжав одной рукой смоляную палочку, другой ладонью она закрыла огонек, хоть ветра и не было. Видящая не знала, что должна делать, ведь никто никогда не рассказывал, что именно происходит в Ночь Покаяния, зная об обряде лишь поверхностно из слов Волхва.

— Матушка, как же страшно!

Тихо произнесла Зорья, оглядываясь по сторонам. Вокруг были деревья, а за ними темнота. Лишь листва трепетала от легкого ветерка. Она убеждала себя, что нет ничего пугающего в этом пейзаже, кроме кривых веток, которые напоминали Зорье руки Бабы-Яги. В голове всплыл размытый образ богини, которая ест маленьких детей, из рассказов бабушки. Девчушка глубоко вздохнула и выдохнула. Нельзя было поддаваться страху, с усилием она подавила все мысли, тревожащие сердце.

Одно было понятно точно: нужно двигаться вперед или оставаться на месте. Куда ни пойдешь, вокруг темнота, однако ничего не изменится, если она ночь простоит, аки Жердья или Облещек, путающий своим присутствием приходящих в лес.

Каждый шаг давался девочке очень тяжело, и дело было не в том, что ноги утопали во мху, напоминая ей о рассказах про болотных рещт; а в том, что нужно было в первую очередь побороть свой страх. Спотыкаясь, она брела вперед, лучина освещала путь только на полшага, а все остальное тонуло во тьме.

Лес жил своей жизнью: листья шуршали, деревья скрипели, где-то вдалеке были волки; теперь, когда она осталась одна, звуки стали резкими. В шуршащей листве слышен был и иной звук — женский голос: мягкий, успокаивающий и такой манящий для маленькой одинокой девочки.

- Бабушка? — тихо спросила она, вглядываясь в темноту.

Голос стал чуть более явным, но слова ещё нельзя было различить. И в голове девочки промелькнула мысль о том, как бабушка могла бы оказаться в лесу? Подобное звучало для неё слишком странно, да и опыт подсказывал, что такое оказаться могло ловушкой. С другой стороны, среди тех диковинных детей была девочка, а Зорье очень сильно хотелось бы с ней подружиться. Если это была она.

Собрав всю храбрость и сжав крепче щепку, Видящая двинулась вперед. Шаг за шагом. Под ногами хрустели ветки, шум от которых, казалось, разрезал ножом спокойствие природы. Слегка хлюпающий звук под ногами заставлял морщиться. Девочка переступила с ноги на ногу, внимательно осмотрев следы, оставляемые ею. Ничего, воды не было, мох и трава сохраняли форму. Её шаги стали тише: она шла по мягкой подстилке. Женский голос, по направлению к которому она шла, становился отчетливее. Мысли наполняли голову. И в сердце теплились мечты увидеть матушку, пускай и в виде духа, и эта надежда неотвратимо манила её.

Тренировки Зорьи проходили в лесу или на его окраине, и много месяцев было потрачено на попытки того, чтобы шаги девочки становились легкими и не ломали веток. Но не всегда у неё всё получалось идеально, хоть и старалась. Волхв говорил, что держат Зорьку земные страхи и обиды, потому и шаг тяжелый. Не может девочка отпустить эти чувства от себя. Потому путь её будет долог и тернист, мудрости набраться нужно и простить всех и всё. И пусть сейчас она не могла понять в полной мере этих слов, но она знала – стоит подождать, и знание придет само. Да только вот подобные мысли не облегчали её поступь.

Шаг.

Шлёп.

Шаг.

Женский голос был всё ближе, слова всё так же были непонятны. Как будто кто-то вел бытовой разговор или рассказывал сказку, казалось, что где-то рядом находятся люди.

Внезапный порыв сильного ветра и вовсе потушил лучину в руках, лишив единственного источника света, оставляя только месяц над головой.

- Зорька, - ласково произнес голос.

Четкий и явный, он казался необъяснимо родным. Ей хотелось пойти к этому голосу.

- Нет... - Зорька, готовая сделать шаг вперед, вовремя остановилась. Слишком уж молодой голос был у собеседницы, у бабушки он был грубее, суше. - Кто вы?

- Не узнаешь? - печально спросила собеседница.

Тут же с вопросом воздух колыхнулся в сторону Зорьки, заставляя отступать от холода, который шел от говорящего. Сердце её болело от желания идти вперед, а душа страшилась.

- Куда ты, Зорюшка. Это же я, твоя матушка, - из тьмы вынырнула рука. Женская, аккуратная. - Я переживала, что волхв оставил тебя одну, потому пришла помочь. Так рада, что услышала меня. Идем, проведу тебя дальше.

Девочка не помнила, как выглядела женщина, давшая ей жизнь, не помнила рук и голоса. Однако, может, так и должны выглядеть руки её? Вдруг потаённое желание встретиться с тем недостижимым образом осуществилось, и мать пришла к ней из Нави на зов? И сердце девочки дрогнуло.

«Матушка? Матушка!»

Это могла быть она, героиня вечерних сказаний бабушки и любимая жена батюшки, та, которую он страстно желал найти. И из-за которой каждую ночь с рокового дня Зорью преследовали кошмары о рештах. Глаза невольно защипало от предстоящей встречи. Она б могла утром сказать батюшке, с кем говорила! И, возможно, он бы вновь уделял дочери время, чтобы она могла помочь им воссоединиться и поговорить.

Зорька протянула руку, дотрагиваясь до прохладной кожи матушки. А сердце от трепета замерло.

И когда месяц, выглянувший из-за туч, вновь осветил топь, в которой они стояли, то последнее, что увидела девочка, — лицо с жуткой улыбкой и пустые бездонные прорези, на месте которых когда-то давно были глаза. Не успела она испугаться, как почувствовала тёплое объятие со спины, утаскивающее её от решты, не дающее разглядеть лицо, а запомнить его тем более.

Теперь она стояла на твёрдой земле, а тропинка, проходящая сквозь густую траву, вела к просторной и знакомой поляне, где сидел волхв на камне. Сюда часто бегали деревенские дети, так как дорога вела к озеру, где они купались, и изредка Зорья могла к ним присоединиться, предпочитая общество природы и добрых лесных духов людскому. Не потому что она возгордилась, а потому что для них она была другой. Это незримое отличие каждый раз, словно частокол, становилось между ней и сверстниками. Унижения не было, нет. Её уважали и почитали, вознося роль, исполняемую их семьей; от этого было горько – желала она иметь родителей, уделяющих ей внимание, друзей, с которыми могла бы играть на улице.

Зорья похлопала себя по талии, плечам и потрогала лицо. Всё было на месте. Она обернулась, смотря в лес, — там никого не было. До сих пор было живо воспоминание о тёплом объятии, казалось оно знакомым, как старое воспоминание из детства.

- Матушка помогла? - озадаченно прошептала девочка, вдруг понимая, какую ужасную ошибку могла совершить.

Внутри все похолодело.

Ей было ужасно стыдно, что она так поверила словам решты. В тот момент Зорья даже не осознавала, как близко была к гибели. Мысль, пришедшая за всем этим в голову, говорила ей, что жизнь её не имела особого значения для мироздания, и если её не станет, то будет ли кто-то по ней грустить? Ведь в тот момент, до объятий, она уже простилась с жизнью. И сейчас где-то глубоко внутри девочка уже была мертва. Это был позор, и если бы не пришедший дух матушки, то она бы мертва была и на яви. А как жили бы они, что потеряли не только Соню, но и её наследие?

- Благодарю, - тихо прошептала девчушка, сложив ладони напротив друг друга и скрестив пальцы, прижимая их ко рту.

Пока она не знала, как быть с этим уроком, однако решила: позже будет осторожнее относиться к таким вещам и не поддаваться порывам сердца; хотя бы потому, что следующая ошибка может оказаться последней для неё.

Она сделала шаг вперед и чуть не упала. Страх так и не ушел из сердца, запоздало отзываясь слабостью в ногах. Глубоко вдохнув и выдохнув, Видящая постаралась выровнять дыхание и попытаться сдвинуться с места. Нужно было двигаться вперед, и только так она смогла бы пережить эту ночь.

Простор небольшой полянки встретил её более ярким светом Месяца, чем в лесу, и отсутствием густых ветвей над головой. На поляне стоял старец, словно дремавший до прихода девочки, опираясь на посох. Он приоткрыл ясные глаза, в центре которых был белый свет, внимательно осматривая пришедшую. Ощущение было, что вся тьма, пережитая ею в чаще, и мысли, сопутствующие пережитому, были у него как на ладони. Щёки Зорьи заалели.

- Со страхом встретишься. Ладно, - кивнул он, тем самым слова его подтверждали опасения девочки. - Так придёт понимание слабых и сильных сторон души.

Она молчала, за всю жизнь её ни разу не ругали толком: ни тогда, когда ошибалась, ни даже когда намеренно проказничала. Сейчас ей было бы в разы легче, если бы волхв пристыдил её своими словами, однако этого не произошло. От этого обжигающая вина становилась ещё более явной.

- Идем, - поманил за собой старец. - Теперь предстать тебе предстоит предстать перед судом и главным твоим врагом.

Она послушно последовала вслед за ним, приподнимая платье, чтобы не волочь его края по уже мокрой траве. Волхв замедлил шаг. Слова, сказанные им ранее, заставляли сердце биться, словно пташка в сжатых ладонях, желая высвободиться и улететь поскорее от всего на свете.

Путь был недолог, деревья расступались, давая всё больше простора. Если бы не пережитое, то лес бы казался ей завораживающим и прекрасным. И расстилающееся, казалось бы,

бесконечно из-за краев тонущих под сенью деревьев небольшое озеро, окруженное ровной невысокой травой, воспринималось неестественным. В чистой водной глади, будто в зеркале, отражался месяц. Вдоль кромки плыла легкая, почти не видимая дымка тумана. Чем ближе путники приближались к берегу, тем более явно ощущалась прохлада воды. Как же тут было бы чудесно в жаркий полдень. Зорька замёрзла и потёрла ладони друг о друга, сарафан был из тонкой ткани и совсем не грел.

Волхв остановился и направил посох в сторону воды, молча указывая путь. Ей ничего не оставалось, как подчиниться его безмолвному приказу.

- А что делать? – она растерянно повернулась к волхву.

Никого на том месте уже не было. На траве не осталось и следов, тепла людского тоже не ощущалось. Порой Зорья задавалась вопросом: является ли волхв живым или он суть, оставленная после себя, духом Нави? Одно ясно было наверняка: она не хотела оставаться одна.

- Эй! – крикнула девочка.

В ответ была лишь озерная тишина.

Она посмотрела вновь на гладь воды, в голове витали мысли о том, как ей нужно поступить, что стоит делать и что ей говорили до этого. «Всё сказанное нам, когда мы ищем путь, может быть и направлением, может быть и ловушкой», — вспоминала она слова духовного наставника. От страха она начала произносить слова вслух, надеясь успокоиться.

- Главный враг? Может, он на дне озера? — задумалась она, опускаясь ниже, протягивая руку к поверхности.

Покрывшаяся рябью гладь воды дрогнула необычным узором, не успела Видящая её коснуться. В остальном ничего необычного не произошло, только пробирающая до мурашек прохлада. Зорья резко отдернула руку, прижимая ее к губам другой рукой и пытаясь согреть дыханием.

- Может, поискать вдоль берега подсказку, нельзя ж так в воду лезть, - пробубнила она, переминаясь с одной босой ноги на другую.

Уже поняв, что откладывает неизбежное, решила пройти по правой стороне берега. В тиши только квакали лягушки, будто споря друг с другом, под ногами становилось более влажно и мягко, сбоку приветливо помахивали веточки плакучей ивы, за которые невозможно было пробраться. Потоптав теплую грязь, или ей так казалось из-за нескончаемого холода, она вернулась обратно. На правой стороне дела обстояли не лучше. Берег был ровным, без камней или прилегающего тростника – только песок, грязь и трава. Никаких подсказок не было, и в голове было пусто. Нужно было нырять. Может хоть там будет ответ на загадку старца?

Посмотрев по сторонам, Зорья стала снимать наряд и украшения, стараясь аккуратно сложить их на влажной траве. Дольше всего пришлось провозиться с венцом, который ей поправляла бабушка до выхода. И теперь она стояла в сорочке – материал был грубый, но тонкий.

Пальцы ног она осторожно опустила в воду, вздрагивая всем телом от холода, и, чуть взвизгнув, отбежала назад, ближе к траве, пытаясь их так согреть.

Девочка собиралась с духом и решила, что нужно прыгать в воду. Иной подсказки Зорья не видела.

Много раз доводилось Зорьке подглядывать, как мальчишки и девочки посмелее с разбегу ныряли в озеро и выплывали где-то в середине. Только самой ей так и не довелось этого испытать. Выдохнув, Зорья побежала вперед, зажмурившись, заходя в воду как можно глубже и ныряя. В её воображении это должно было выглядеть изящно, но из-за того, что сорочка пузырилась, нырнуть получилось не сразу.

В воде было очень темно, несмотря на сияющий на небе Месяц. Где-то в глубине отблескивали редкие камни или мелкая рыбешка. Холод, пока, терпимо колот кожу, и юная девушка опустила глубже, поближе ко дну озера. Волосы незаметно расплетались, соскользнувшая лента уплыла куда-то наверх, а некоторые оставшиеся бусины, наоборот, упали на дно. Зорья

хотела было поймать их, однако не настолько была Видящая ловкой. Она с тоской провожала взглядом украшения, теперь по глупости потерянные.

Словно раскат грома, громкий хохот разбил тишину на многочисленные осколки. Истеричный и пробирающий до самых глубин души, он пугал, заставлял бежать от воды. Она попыталась всплыть, но вода не собиралась отпускать свою жертву. С каждым взмахом руки или ноги утаскивая глубже и сковывая движение. Опускаясь на дно, Зорья цеплялась за песок и редкие камушки, выпихивая себя из воды, упираясь с каждым шагом ногами в дно. Стоило лицу чуть показаться над поверхностью -- она жадно и быстро стала глотать воздух, откашливаясь, создавая множество брызг. Смех решты заполнял всё сознание и мысли, мешая сосредоточиться на выживании, сбивая с пути. Наконец-то выбравшись на берег, девушка без сил упала лицом в песок.

- Просто невероятно, какая ты глупая! – раздался незнакомый голос, потешаясь над вымазанной в грязи девочкой. – Как ты до сих пор жива, скажи на милость?

Зорьке нечего было ответить, да и не было сил. Она могла лишь лежать и хрипеть, смотря в одну точку, да рукавом пытаясь снять песок, да только лишь больше пачкаясь. Всем телом ощущала девочка взгляды духов и опасность, исходящую от них. Только ради того, чтобы слабые твари, не съели её, нужно было встать на ноги, пересилив себя.

- Кто ты? Покажись! – хотела она произнести звонко и четко, но получился хрип, закончившийся кашлем.

Тело Зорьки трясло от напряжения.

- Кто я? Лучше поговорим, кто ты! – и вновь смех раздался со всех сторон. – Ты точно хочешь стать на путь двух душ? Таланта в тебе нет, трудишься каждый день, только толку, а? Веришь кому попало, а собираешься нести ответственность сразу за двоих!

- Выходи! - отрезала Зорька, сжимая зубы от обиды и злости. – Лучше сама покажись!

- Ишь какая требовательная! А ты подойди к воде, али страшно, девица-красавица? – иронично спросил голос.

- Ничего и не страшно! – с легкой дрожью произнесла Зорья.

От такого её ответа вновь раздался смех, заставляя крепче сжимать кулаки, чтобы сдерживать страх. Девочка аккуратно начала подходить к воде, внимательно оглядываясь по сторонам. А неведомый дух всё продолжал глумиться над ней.

- Трудишься-трудишься, а толку ни капли. Скот и тот полезнее тебя! Замуж пора отдавать, а то в девках останешься, так хоть какой прок от тебя будет! Детишек нарожаешь! Себя защитить не можешь, а хочешь ещё и две души.

Слова эти она не раз слышала, как отголоски из чужих домов или обсуждений на улице. Её сверстниц уже начинали готовить к замужеству, которое было неизбежным, даже если девушка могла быть талантливой ремесленницей. Одно другому не мешало. Однажды Зорья заговорила об этом с бабушкой. Бабушка махнула рукой и сказала, чтобы девочка не переживала. Но семена сомнений уже давно поселились глубоко внутри неё и то и дело давали о себе знать. Вдруг все остальные живут правильно, а она нет?

- Замолчи! – гневно и отчаянно закричала девочка, стараясь скрыть дрожь от боли, причиняемой словами.

- А кто меня заставит? – голос стал более осязаемым, обретающим форму и знакомым, да и звучал всё ближе.

И это было собственное отражение Зорьки, которое неестественно нагнулось к ней из воды. Не ожидавшая такого подвоха юная Видящая закричала что есть силы, отскакивая от воды под очередной хохот незнакомой решты. Сердце Зорьки, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Она сидела не так далеко от воды, чтобы не видеть, как потешается её отражение, пытаясь разглядеть с той стороны, что она делает.

- Оставишь меня тут одну, зайка-трусика? – хихикнул голос. – Конечно, легко, когда за тебя делают работу! То бабушка занимается хлопотами по дому, пока ты на «учебе» прохлаждаешься. Смысл этой учебы, а?

- Замолчи! – не выдержала вновь девочка, повторяя это слово раз за разом.

Ей всегда было стыдно, что все заботы по хозяйству ложились на плечи бабушки да батюшки. А потому как почти всё время батюшка был занят изучением сокрытых строк или уходил в путешествия и возвращался на новый Месяц, так и выходило, что заботилась обо всем бабушка. И не будь их семья ремесленниками, что провожают в путь усопших, то было бы совсем тяжело справляться.

- А помнишь, когда ты думала, что батюшка умер? – ехидно произнес голос. - Может, такие, как ты, не достойны любви вовсе?

Внутри юной девы резко похолодело, а сердце пропустило удар: перед ней всплыла сцена прошлого, выдергивая девушку из Яви. Батюшка несколько дней работал без отдыха, что-то выписывая на листах. Не ел, не пил. Говорил лишь, что ему удалось вычислить благодаря звездам положение некой двери. Так важна она ему была, что не слушал он уговоры тёщи и дочери, не слышал он мольбы их. Каждый день навещала Зорья его, принося еду, и в тот злополучный раз нашла она его лежащим на полу, его дыхание было так слабо, что девочке показалось, что он умер. С тех пор каждый раз, видя спящую семью, её сердце замирало в ужасе; не было ей спокойствия, пока она не убеждалась, что дышат они и живы.

- И земля ушла из-под ног. Да? – голос все продолжал потешаться над её молчанием. – Он же почти не дышал, да? Что ты тогда почувствовала? Облегчение?

- Нет! – возмутилась девочка, вскакивая.

- Ну скажи, тебе стало легче? Ведь в какой-то мере ты могла освободиться от ЕГО присутствия. Не нужно было бы бороться за то, чтобы стать двоедушницей...

- Э-это не так! – взревела девочка. – Я люблю батюшку! И бабушку!

- А матушку? Как любить того, кого даже не помнишь?

- Я...

- ...люблю матушку!? - передразнило отражение голосом Зорьки. - Но разве такое возможно?

Девочка тут же закрыла свой рот, будто пытаясь проверить, кто это сказал. Скрипящий и холодный голос отражения отличался от её. Однако, услышав от решты собственный голос, то потеряла дар речи. Отражение задавало страшные вопросы, на которые Зорька не могла дать однозначные ответы. Она знала, как нужно отвечать, но многое из этого было лишь частью той правды и чувств, что она испытывала с детства. Несмотря на юный возраст, она уже поняла, насколько жизнь может быть сложной и неоднозначной. Внутри нее всё кричало от того, что отражение было право, но она отчаянно не хотела с этими мыслями соглашаться. Сохраняя остатки самообладания, Видящая из последних сил боролась с наваждением.

Тем временем отражение, удобнее устроившись, продолжало говорить такие вещи, от которых болели разум и сердце:

- Любила ли тебя вообще матушка? Вряд ли. Она же тебя оставила одну. Владимира брать в расчёт не будем, ладненько? Он не заботился о тебе, не помогал, не учил. Всё скинул на тёщу. Ты вообще кому-то в семье нужна или просто присутствуешь?

Отражение умолкло, наблюдая, как девочка подобрала колени и обняла их, пряча за ними лицо, где-то в глубине желая стать камнем. Ох, если бы у неё это получилось, то, может, эти фразы, режущие душу ножом, не причиняли бы столько боли.

- А если бабушка умрет? Останешься одна с НИМ. Только вот нужна ты будешь кому-то? Неумеха, что в домашнем хозяйстве не преуспеваешь, что в ведовстве бесполезна. Может, выбрать что проще? Зачем тебе это всё?

- Но матушка... - слабо попыталась возразить девочка.

- Что? Ты просто продолжение её рода. А сама даже не воспринимаешь её как мать, - скучающе заметило отражение.

По щекам девочки текли горькие слезы, которые она так усиленно пыталась сдержать, однако все слова духа причиняли мучительную боль. Ей хотелось спокойствия.

Бабушка... Батюшка... Матушка...

Все они были её семьей, только так ли это было? Смотря на других детей, Зорья каждый раз видела иное: они были более дружны, чаще проводили время вместе, много улыбаясь, их смех за посиделками по вечерам порой был слышен и в спальне Видящей. Стоит ли говорить о совместных семейных поездках в столицу на рынок, чтобы продавать зерно. Дети с друзьями радостно запрыгивали на повозки к отцам, которые отвозили их в большой город...

Матушки давно нет, Зорья не помнит ничего о ней, хотя, по словам Велимиры Павловны, первые годы она заботилась о Зорье. Батюшка всегда занят своими делами, ему будто нет дела до дочки, он находится в своем мире, где ей места нет. И бабушка — единственная в семье, которой небезразлична Зорья. Только вина, испытываемая девочкой перед ней, глубже чувств любви к родственнице.

- Себя жалеешь? Бедная и несчастная Зорья, нет никого несчастнее тебя! - промурлыкал голос. - Лила ли ты слезы в день поминания, когда умерла твоя матушка, м? Не было такого никогда. Самые горькие слезы по себе любимой пускаешь.

Силы медленно покидали девочку. Она попыталась подняться, Зорья всегда считала, что просто недостаточно трудится, и от этого чувство вины укореняется. Жизнь приносила страдание да боль от того, что ничего ещё не успела исправить, если сегодня её убьют. Но это был суд её недолгой жизни. Ещё было не поздно, она была юна, и сейчас она понимала, что всё сказанное отражением, вся эта боль лишь показывали, что она должна будет исправить и чему научиться:

- Простите... Простите, что я неправильная, - тихо, дрожащим от слёз голосом говорила девочка, медленно поднимая голову. - Но я обещаю себе... обещаю... я попытаюсь быть ближе... любить больше...

Слёзы, льющиеся ручьём по щекам юной двоедушницы, заблестели искрами от лучей света Ярила, медленно поднимающегося из-за деревьев, незаметно под разговор одинокой девочки с отражением в озере. Не успела она завершить мысль, как раздался крик из чащи за спиной.

Там ничего не было, только взлетающие птицы над верхушками деревьев. Обернувшись к отражению, Зорья ожидала, что они продолжат разговор, но и его уже не было, и она вряд ли когда-нибудь сможет с кем-то поговорить об этом. Стыд сковал её сердце. Девочка даже опустила ближе к озеру. Только, увы, перед глазами была обычная зеркальная гладь воды и камушки, проглядывающие сквозь песок. Набрав студеной воду в ладони, Зорья выплеснула на лицо, нужно было прийти в себя, хотелось спать и есть. Ощущение холода притупились после пережитого, и она вернулась к своей одежде, аккуратно сложенной на траве.

Зорья наспех оделась и поспешила к месту в лесу, откуда, по ее мнению, раздался крик, никого там не оказалось. Возможно, ей стоило пойти дальше, однако утомленное тело не желало идти кого-то спасать. Она вспомнила решту с женской рукой, чей образ почти не сохранился в памяти, оставив после себя мерзкие липкие чувства, и Зорьку передернуло. Нервно сглотнув незримый ком в горле, она решила, что следует всё же идти искать Волхва и всё рассказать.

Стоило проговорить всё это в мыслях, как что-то коснулось Зорькиного плеча. В голове пронеслись ужасающие воспоминания всего произошедшего, и девушка невольно вскрикнула, вздрагивая всем телом и цепenea. Однако за спиной не было решт иль злых духов, только Волхв, с теплотой смотревший на неё.

- Пойдем, - махнул в сторону леса старец.

Откуда-то возникла аккуратная тропинка. Зорья знала, что такое бывает, когда духи леса и его Хозяин сильно благоволят путникам.

- Подождите! - она протянула руки вперед и замерла, затем махнула рукой в противоположную сторону. - Там кто-то кричал!

- Не волнуйся, - качнул головой собеседник. - Сейчас думай о себе.

Последнюю фразу он говорил уже шагая по тропе. Девочка ещё раз потерянно оглянулась в ту сторону, даже птицы больше не кружили над деревьями, и, растерявшись окончательно, подчинилась мнению старшего.

Утром лес не казался таким страшным, даже наоборот. Красота его была высвечена лучами Ярила. На листьях берёз можно было увидеть капли утренней росы, а трава приятно холодила ноги, успокаивая душу девочки. Среди просветов между деревьями показался знакомый холм поминания предков и прекрасный раскидистый дуб имени Всепредка-Рода, с праздничным костром под ним, тут же были и хоромы для сжигания тел, там Родомир проводили ритуал, провожая души в иной мир на новый путь жизни. Хоромы можно было хорошо разглядеть только издали, вблизи же они казались невероятно огромными и величественными. В раннем детстве она сильно робела от величины священного дома для мёртвых. Сегодня же костры зажгли для вознесения, духи должны были пройти через огонь, чтобы выбрать понравившихся детей. Огонь был доказательством добрых намерений духа.

Краем взгляда будущая двоедушница заметила странное движение и, оглянувшись, увидела, как из берёзовой рощи вышли уже знакомые ей дети. Девочка была ранена и еле передвигалась от усталости, на лице у неё уже не было маски, однако внешность её Зорьке была незнакома. Кроме того, вся одежда, лицо, руки и ноги девочки были перепачканы грязью и смолой, она вдруг рухнула на колени, сгребая пальцами землю и стеная нечеловеческим голосом. Зорька с ужасом поняла, что та девочка не прошла испытания, и ее страдания вместе с криком отозвались в сердце Зорьки пониманием и страхом.

- Дайте мне попробовать ещё! – незнакомка подползла к Волхву, не поднимая головы, её голос был наполнен болью.

- Смирись, - тепло произнес старец, смотря на девочку сверху вниз. - Возможно, твой путь в чем-то ином.

И хотя со стороны казалось подобное добротой, но, поставив себя на место этой девочки, Зорья ощущала боль. Она заметила, как через маску на неё уставился юноша. Враждебно. У неё не было сил на наблюдение за незнакомкой, закапывающейся ногтями в землю и болезненно воющей. Видящая ощущала физически, как утекают с каждым всхлипом той именно её силы.

Она вполне могла оказаться на её месте.

Было жутко думать о подобном исходе, пришлось бы искать иные пути, чтоб связать себя с Миром, надеясь, что он примет тебя и защитит. Путь двоедушия открывал обширные возможности в обращении и изменении собственного тела и закреплял слабым духом в Яви, не давая себя поглотить. Если эта девочка окажется сильнее, то её будут ждать другие открытия. Для Зорьи же иного пути не было.

Невдалеке показался знакомый силуэт бабушки, без батюшки, хотя она просила его прийти. Сердечко больно кольнуло. Подбежав к Велемире Павловне, передала ей украшения от свадебного наряда, мешающиеся в руках. Среди кустов и на деревьях юная девушка заметила деревенских детей, подкравшихся к холму и ожидающих «Вознесение». Хотела бы она их приструнить, чтоб разбежались по домам, да не хотелось ссориться и портить себе настроение ещё больше. Им же было просто любопытно.

- А где батюшка? – не выдержала Зорька, вглядываясь в лицо бабушки с надеждой.

Женщина побледнела, а глаза наполнились болью. Внучке не нужно было слышать ответ, чтобы понять, что хочет сказать бабушка. Он просто забыл прийти. Вновь близкие слезы жгли глаза, хотя Зорька обещала себе быть сильной. Теперь, когда у неё будет дух-охранитель, она

сможет всё исправить. Потому ей нельзя плакать. Так она решила. Сразу же направилась Зорья к алтарю под дубом, где зажгли центральный малый костер, а до этого горели только круговые малые.

Внутри круга было очень тепло, даже теплее, чем на улице в погожий день цветения. Про себя Видящая отметила, что сейчас ту незнакомку нигде не видно, а юноша в маске стоял сбоку от неё, сжимая кулаки и глядя прямо.

«Может, он боится, что не пройдет, как его подруга?» — промелькнула в голове мысль, которую Зорька тут же отбросила. Она не имела права думать о подобном.

Мудрец закончил высыпать травы в огонь, как только девочка вошла в круг костров. Малый огонь загорелся голубым пламенем, от которого веяло прохладой вод. Невольно вспомнилось озеро, по телу прошла дрожь.

Нельзя.

Тем временем старец заговорил, и дети старались слушать его как можно внимательнее:

- С этого момента вам будут открыты врата, что соединяют Явь и Навь. Врата, которые помогут вам обрести товарища на всю жизнь. Вы пережили малую смерть, - на этих словах волхва Зорька слегка вздрогнула. — Однако смогли обрести кое-что важное, что теперь навсегда останется с вами навсегда. Только вам решать, какими вы будете в будущем, но только теперь, находясь под взором Всепредка нашего, вы должны делать каждый шаг с ответственностью.

Договорив, он подошел к каждому из детей, отрезая по пряди волос, затем бросая их в огонь, тот возгорелся сильнее. А потом и вовсе запустил туда руку, доставая из пламени два бруска неотесанного дерева, не опаленного пламенем, и вручая его детям.

- Создайте себя сами, и к вам придет тот, кого вы так ждете.

Ритуал был закончен. Ребята поблагодарили старца, да отправились каждый по своим делам. Зорька тут же побежала к бабушке, обнимая её крепко-крепко.

- Надо рассказать батюшке! - весело смеясь, произнесла она и босиком побежала в терем, обида временно отошла на второй план.

Глава 1.

Зорья торопилась так, что не заметила, как оказалась на пороге родного терема; лишь на мгновение она ощутила его чужим и то, что этот одинокий дом не мог быть её родным. Но девочка тут же постаралась отодвинуть это странное чувство подальше.

Дыхание её сбилось, несмотря на обучение пути Видящей, она до сих пор с трудом умела правильно дышать. Да и всё было пустым по сравнению с тем, что она собирается сказать батюшке, - Батюшка! — воскликнула Зорья, стараясь, чтобы её голос звучал громко.

Ответа не последовало.

Она прислушалась: тишина.

Сжав кулаки сильнее, не теряя надежды, она забежала в трапезную — никого. Хотя сейчас было время трапезничать, если судить по положению Ярила. Расставленные на столе горшки с чем-то явно вкусным манили к себе оголодавшую Зорьку. Ей сейчас хотелось лишь есть и спасть. Но она пересилила себя, отрывая взгляд от стола.

Батюшки не было, но возможно, он в своей светлице — подумала девочка и побежала на второй этаж к большой резной двери на входе в неё и тут же постучала. Ответа не последовало.

- Батюшка! — дернула девочка за дверную ручку, но та не поддавалась.

Ещё раз.

«Что...»

И ещё.

Она не замечала или не хотела замечать, что дверь была заперта на большой засов, расположенный чуть выше уровня глаз. Она не обращала внимания на большой замок, потому что это означало бы, что отец снова отправился в путь, оставив дочь с тёщей.

- ...происходит?

Происходящее не складывалось в единую картинку в голове Зорьки, которая раз за разом пыталась открыть дверь. Это было неправильно. Так не должно было быть.

«Быть может, он просто вышел на прогулку? И забыл о моей просьбе?»

Она облегчённо выдохнула, разжимая затекшие на дверной ручке пальцы.

«Верно, нужно узнать у бабушки».

Зорья спустилась в трапезную, там уже была Велимира Павловна, которая доставала блюда, повернувшись спиной ко входу. Даже услышав шаги внучки, она лишь на мгновение замерла, продолжая заниматься своим делом.

- Будешь кушать? – её голос будничный, подтверждал мысли Зорьи.

- А где батюшка? – тревожность происходящего никуда не ушла, и ей нужны были ответы.

Бабушка напряглась всем телом, но достаточно заметно, чтобы внучка смогла увидеть, что она прекратила протирать блюдо. От этого сердце девочки невольно пропустило удар. Велимиру Павловну охватило раздражение от упоминания Владимира, которое она поспешила подавить. Взяв себя в руки продолжила заниматься делом.

- Ну так война ж идёт на границе, - пожала она плечами. – Приехали те самые из столицы, да и сказали: помощь нужна. Он собрался и уехал. Ты знаешь, какой он лёгкий на ногу.

- Почему батюшка даже не попрощался?

- Хотел тебя дождаться, но там же люди страдают! – взмахнула бабушка руками. – Конечно, ругалась с ним, но упёртый аки баран.

С каждым произнесённым словом об уходе батюшки сердце Зорьки отбивало чёткие удары. Да, в их деревню доходили слухи: на границах происходят очередные проблемы и нескончаемые гонения, похищения Видящих... Подобное Зорью мало волновало. Тут она была в безопасности. И именно «здесь и сейчас» для неё было важнее того, что происходит где-то далеко. Хотя, она полагала, что это могло волновать отца, потому не в праве она была злиться.

- Так ты будешь кушать? – вновь спросила бабушка.

- Ах, нет. Я не голодна. Наверное, посплю... - растерянно произнесла будто бы не своим голосом, развернулась обратно и направилась в свою светлицу.

Велимира Павловна что-то сказала ей на прощание, но она не расслышала или больше не хотела слышать. Отец и раньше часто покидал дом, однако сейчас душе девочки было почему-то по-особенному больно.

Не открывая ставни, она пролежала несколько дней в своих покоях без движения. Ни одного лучика света, ни ветерка. Только бабушка заходила к ней, принося еду. Зорьке нужно было время, чтобы осмыслить все свои старания, которые даже не удостоились похвалы отца.

К ней приходили деревенские ребята — дочери и сыновья соседей с гостинцами да поздравлениями; наставник грамоты интересовался, почему Зорья не ходит на занятия; бабушка спрашивала всех, говоря, что внучка приболела.

Сама же юная двоедушница пыталась вырезать фигурку из полена, выданного волхвом, — ничего не получалось, нож выпадал из рук. Царапая ногтями кору, она намеренно раздирала пальцы в кровь. Будто эта боль могла заглушить внутреннюю боль или что-то изменить.

Еще не успел смениться месяц над головами люда, а под сенью ночи девочка сбежала из дома. На ней не было тёплой одежды, да и не нужна она была. Ноги будто сами вели её куда подальше, чтобы оставить там этот несчастный деревянный чурбак, который должен был первое время служить проводником между ней и духом. Очередной урок. «Я не достойна» — такие мысли преследовали будущую Видящую.

Проходя мимо чужих окон и слыша смех, она боялась заглянуть туда, Зорья перешла на бег. Чужая радость была невыносима для неё. Может, если бы кто-то на белом свете был такой же несчастный или несчастнее её, то она бы почувствовала себя лучше? Такие мысли пугали и угнетали душу, оттого ощущение недостойности подкрадывалось ближе. Она всегда

старалась быть послушной, правильной. Воспитывать в себе те черты, которые считались бы благородными. Поддерживать ту иллюзорную надежду на любовь родителя, который будет ею гордиться.

Невдалеке от деревни протекала река. Она особенно пользовалась популярностью летом — во время ловли рыбы. А иногда и для ночных купаний в укромных местах, про которые «никто не знал». Сегодня в ясную ночь, когда на небе угасал Месяц и возрождалась Луна, было тихо-тихо. Зорья остановилась у кромки воды, собираясь с силами и сжимая деревяшку, которой посветила всю свою недолгую жизнь; и от чего так отчаянно думала избавиться. Такой жалкий кусок дерева... Пускай без духа-хранителя её могли забрать решты в Навь, чтоб пожрать её душу и уничтожить тело — это было не важно. Вся Явь казалась ей зыбкой из-за тупой боли и понимания, что не в силах она сдержать обещания, что дала себе сама.

Прощаясь, она крепко стиснула ветку, прижимая его к губам, шепча мольбу покаяния с просьбой о прощении. Никаких мыслей в голове, лишь немой крик.

Она с силой размахнулась, отпуская и надеясь, чтоб он улетел как можно дальше. Что если она передумает, то ни за что на свете не сможет сыскать. По щекам потекли слезы, которые все никак не заканчивались за все несколько дней, что Зорька провела, разговаривая сама с собой.

Пространство замерло, казалось, река прекратила свое привычное движение.

Мириады звезд распустились роскошными цветами над водой, поднимаясь вверх дымкой и приобретая угловатые очертания. Все вокруг заполнилось неслышимым шумом. Явь дрожала. Оседающая белая пыль обволакивала существо, прорывающегося через пространство, искажая его суть. Образ постепенно смягчался округлый силуэт пса, который подхватил зависшую, по неведомой причине, в воздухе деревяшку пастью, продолжал бежать прямо на Зорью. Завораживающее зрелище; никогда еще в жизни она не видела такой красоты, даже если подобное сулило ей гибель; это длилось вечность и одно мгновение — время остановилось. Девочка глухо охнула, падая навзничь под внезапным и осязаемым весом зверя, который до этого парил в воздухе.

Зорья не помнила, когда открыла глаза и сколько пролежала. Только одинокие мысли суетились в голове: почему она не увернулась для защиты себя? Высоко в небе сияли ночные светила, затмевающие звезды на черном полотне. Но не было в этом мире для неё ничего, кроме пустоты внутри.

Холодный нос ткнулся в её щеку, приводя в осознание. Это был щенок волка, а не пса.

- Кто ты? - тихо спросила она все так же лежа, поглядывая на копошившегося зверя.

Щенок белоснежный, как первый снег радостно завилял хвостом и положил на землю поленце, которое она выкидывала. Взгляды их встретились, и она сразу поняла, что он её духохранитель. Не ждала она своего охранителя и не надеялась, что он появится. Да и цвет его был слишком чистым для той, которую преследовали ужасные мысли в том числе и о смерти...

- Прости, я хотела избавиться от тебя, - в носу неприятно защемило, но она продолжила. — Я была так зла, у меня ничего не получалось...

Она слабо приподнялась, опускаясь перед волчонком на колени. Дух с любопытством осматривал сидящую перед ним Зорьку, его голубые глаза излучали неведомую мудрость.

- Я недостойна, - тихо призналась вслух о своих мыслях Видящая.

Охранитель заскулил, переминаясь с лапки на лапку, подталкивая брусочек ближе к Зорьке, но это не вызвало ожидаемой им реакции. Тогда он подтолкнул руку ныне обрученной с ним к деревяшке, хоть она и сопротивлялась. Не чувствовала девочка, что право имеет на такую благосклонность, однако всё же послушалась. Не стала отказываться от дара.

Волчонок тут же радостно замахал хвостом, ластясь к ней.

- Вы... Ты точно уверен, что я подхожу на эту роль? – тихо спросила Зорья, желая прикоснуться к мягкой шерсти духа и одергивая руку. – Хотя сама не ведаю, как можно было бы разорвать образовавшуюся связь.

Он утвердительно кивнул и гавкнул.

- Ох, тише же, - спохватилась она от звонкого лая, тут же закрывая двумя руками пасть пса. – Людей побеспокоишь.

А дух-охранитель лишь веселее завилял хвостом, хитро шурясь. Ей казалось, что он должен вот-вот начать говорить, как она слышала из историй бабушки про матушку.

- От меня много будет проблем, но если я правда тебя устраиваю, то я постараюсь хотя бы ради тебя...

Услышанное рассердило и раззадорило духа-охранителя, тот вырвался из рук Зорьки и побежал с лаем через деревню.

- Что же ты творишь такое! – воскликнула обрученная, побежав следом.

Озорство, часто свойственное духам, увлекло Зорью, заставляя играть в игру охранителя, напоминающую салочки, благодаря которой он её изрядно вымотал. Уставшая и мокрая, девочка была встречена Велимирой Павловной. Удивительно, что никто из других жителей так и не вышел на шум.

- Вы чего расшумелись? – возмутилась бабушка, не признав сперва внучку.

Разглядев в растрёпе со щенком свою родную внучку, лицо пожилой женщины слегка смягчилось – она не надеялась, что Зорья быстро оправится после ухода отца, потому не донимала её почём зря, давая свыкнуться с мыслями. Сама же женщина с трудом могла простить Владимира, стараясь всячески уберечь внучку от ошибок. И если для душевного спокойствия той нужно немного пошуметь, то пусть шумит, главное, чтобы никому вреда принесено не было.

Девочка же, наоборот, была растеряна, чувствуя себя виноватой и брошенной. При этом понимая, что бабушка тут ни при чем, она все время оберегала её как самое большое сокровище. Однако последнее время Зорье казалось собственное поведение ужасным. Никогда её не ругали, и со страхом она ждала этого момента, одновременно ей казалось, что другие дети, что иногда получают порицания более любимы. Зорья нерешительно подошла поближе к бабушке,

- Околеешь же, - тепло улыбнулись ей, приобнимая одной рукой. - Пойдем внутрь. Там все расскажешь.

Как полагается хорошей хозяйке, Велимира Павловна всегда была готова встречать гостей в любое время суток, будь то день или ночь. А уж что говорить о родной внучке, которая спустя девятницу и пару лун впервые встала на ноги и привела в дом нового жителя. Велимире было страшно представить, что будет, если Зорья узнает правду о произошедшем в день «вознесения». Потому эту тайну бабушка была готова хранить как можно дольше, а может и вовсе не раскрывать.

Стол быстро был накрыт, и девочке тут же вручили ароматный отвар и блюдо с запечённой картошкой и сельдью. Зорька вымыла сначала руки и лицо от речной грязи и села за стол, рассказывая, что получила духа-охранителя.

- Ну и что он говорит? - бабушка озадачено осмотрела волчонка, чья шерсть была все так же чиста по сравнению с ногами и сорочкой внучки.

- А это обязательно? - пробубнила она в кружку.

- Сокол твоей матушки болтал без умолку, как она его получила, - лицо женщины изменилось, а взгляд устремился в теплые воспоминания. - Они постоянно говорили с твоей мамой, никак спать не могла уложить Соню! А они все говорили и говорили. Будто сокол был ей самым близким другом, хотя они всего ничего знакомы. Потом научилась она общаться как-то по-другому, и без слов понимали друг друга.

- Вот как, - грустно произнесла Зорья, ощущая укол зависти.

Охранитель же к тому моменту облюбовал место рядом с печкой, наблюдая за ними, да помахивая дружелюбно хвостом. Видно, понимал дух, что не может слышать его обрученная, потому подавал сигналы видимые и простые.

Бабушка, заметив перемены в голосе внучки тут же сказала:

- Не переживай, научишься, - и, увидев, что Зорька доела, не смогла сдержать улыбки. - Ты всегда была очень трудолюбивой. А сейчас иди спать, утро вечера всяк мудренее будет. Проснешься — там и новые мысли.

- Верно...

Послушавшись бабушку, Видящая и её новоиспечённый охранитель души двинулись спать. Сейчас она хоть и была растерянна от произошедших событий, но чувствовала себя необъяснимо лучше.

Изменения сказались и на будничной жизни новой двоедушницы.

Постепенно она вновь начала посещать занятия по письму и знаниям о мире. К последнему Зорья всегда относилась с сомнением, они казались ей слишком однобокими, не сходящимися с рассказами волхва. Хранители знаний рассказывали только о Яви, окружающей людей, упуская Навь как часть строя мироздания. Видя только реальное, они не называли Навь ересью, считая, что жизнь людей, протекающая в живой части Мира, гораздо важнее всего, что происходит по ту сторону. Однако почему-то батюшка Зорьки считал, что будет полезно узнать и другую точку зрения. На занятиях было немного скучновато, а вот после занятий наставник Иалу часто вёл долгие разговоры с юной Видящей о строении мироздания. Любопытно ему было притронуться к чему-то потустороннему.

И если раньше дети не сильно её выделяли, особенно благодаря Иалу, который старался не превозносить важность девочки над всеми остальными, то теперь она всё чаще ловила взгляды на себе, но больше направленные на духа-охранителя.

- Я слышал, что двоедушники имеют особую связь с охранителями? - с интересом спросил учитель письма, изучая издали волчонка. — Некоторые слухи гласят, что люди проходят обряд для свадьбы душ.

Иалу ещё юнцом прибыл из долины великой реки, окружённой зеленью и наполненной несметными богатствами, где люди носили золото на теле и поклонялись множеству всеведущих существ, прибывших с неба. Внешне он сильно разнился с остальными жителями новой родины: смуглой кожей и тёмными волосами, глазами, похожими на всполохи тлеющего угля. Тут его принимали с дружелюбием и любопытством, как и любого чужака. Ему повезло попасть под крыло мудрых мужей — Хранителей знаний. Незаметно для себя он полюбил всем сердцем здешних людей и их быт, быстро прижившись. Выучившись, внезапно решил переехать из столицы, чтобы вновь изменить жизнь. Да и тянуло его к неведомому. Частенько он шутил, что нашёл в подобных рассказах утешение, которого ему так не хватало. Не рассказывая при этом, что за горе его постигло. Так он осел в «Старом Поддубье» - где проживало не одно поколение Видящих из рода Родомир. Когда же он сюда прибыл, то двоедушница, которую он искал, с алым соколом, матушка Зорьи, исчезла. Спустя лето, после общения с неким духом, Велимира Павловна «похоронила» родную дочь. Только Владимир не мог смириться со смертью жены, постоянно отправляясь на её поиски. Иалу сочувствовал девочке и был благодарен за возможность хоть косвенно прикоснуться к Нави. Сама же Видящая воспринимала подобное как часть своей обычной жизни, видя духов и решт повсюду, куда бы ни шла. Лестило Зорьке делиться с Хранителем Знаний своим взором на Явь.

- Я не уверена, - задумчиво произнесла она, сидя на скамье. - Точнее, я чувствую его как часть себя...

Двоедушница глянула на наставника Иалу почувствовав, что он ожидает от неё подробный рассказ о духе, и тяжело вздохнула:

- Бабушка сказала, что мама говорила со своим охранителем... А, я не могу, - качнула головой. - Сколько пыталась, всё никак. Он меня понимает, а я его совсем не понимаю.

- Может, это связано с тем, что ты в какой-то момент не хотела становиться двоедушницей? – задумался ученый, прикладывая кулак под нижнюю губу. - Ты научишься его понимать, как применишь свою суть...

Бывало так, что рассказывала она мужчине о тех вещах, которые не ведали даже в семье. Радостно было то, что Иалу можно доверять – не желал он навредить Видящей – она чувствовала это сердцем. Да и советы его были разумны.

- Может быть, вы и правы, - вновь тяжело вздохнула Зорья, не в силах побороть в себе уныние.

- Наберись терпения, всё получится, - приободрил Иалу свою горе-ученицу. - А ещё ты же не прекратила пополнять записи?

Зорька вздрогнула всем телом, замирая и косо смотря на наставника, пытаясь за его улыбкой понять настроение. За мягкой улыбкой и спокойным взглядом, наблюдающим за духом-охранителем, мог скрываться любой подвох, как-то раз он задал ей переписать одну небольшую книгу из-за того, что Зорька плохо училась. Хранитель Знаний перевел настойчивый взгляд на неё, ожидая ответ.

Она всмотрелась в лицо наставника. Уже не раз она поражалась, что у такого мужчины почему-то нет семьи. Зорья привыкла, что у всех в его возрасте, в деревне, уже есть большие семьи. Сердце кольнуло воспоминанием о бабушке. На мгновение промелькнула в голове мысль: «А изменилось бы что-то, если бы она не была единственным ребенком?»

Зорья вздохнула, придумывая себе оправдание, надеясь соврать, но тут же откинула подобную мысль. Совесть, в совокупности с воспитанием, не позволяли ей этого сделать:

- Я... забыла. Последние дни были насыщенными...

Додумывая прошлую мысль, она отвела взгляд. Скрывая переживания внутри, она боялась, что Иалу неправильно её поймёт. Сейчас Зорья склонялась к тому, что одной быть — хорошо. Переживать обиду ещё и за младших членов семьи было бы гораздо сложнее.

- Понимаю, - кивнул мужчина, поверхностно улавливая её меланхолично-грустное настроение. - Постарайся заполнять, кто знает, может, потом ты даруешь миру какой-нибудь интересный труд о двоедушниках, сохранив воспоминание о них в веках? Или же сможешь так прибраться в голове, чтобы поскорее примириться с новой собой.

- Вы слишком преувеличиваете мои возможности, - пробубнила под нос она.

Ответа Видящая не расслышала, так как внимание привлекли незнакомцы-ратники в скромном параде. Остановив одного из жителей, мужчины стали его расспрашивать, и тот махнул в сторону реки, где все сегодня собрались на стирку. Зорья вспомнила, как утром бабушка упоминала, что пойдет туда. Нахлынувшие чувства влекли её проследить за чужаками. Уж по чем зря они не заходили в деревню.

- Мне нужно идти, - попрощавшись, она шустро спрыгнула с лавки, окликнув за собой духа-охранителя.

Они побежали за ратниками, прячась за кустами и деревьями. Как же радовалась юная двоедушница, что не замечали их опытные служивые, из-за особого дня все люди были заняты делами. Да и что ей сделают, подумают, что ребенок балуется. Как оказалось, верно, она подзревала, что чужаки к Велимире Павловне идут. Издали было видно, как позвали они женщину в сторонку поговорить, отвлекая от дел. Зорья нахмурилась, подкрадываясь ближе и замирая за кочками, меж молодой дубравы.

- Простите, молодцы, но ушел Владимир, не ведаю куда, - прозвучал голос бабушки. – Разминулись вы с ним.

- Совсем не знаете? – спросил один из дружинников.

- Совсем, - она задумалась. – Не сказал, просто ушел в ночь и не вернулся.

Мужчины меж собой переглянулись.

- Простите, что потревожили. Спасибо, что ответили.

- Пойдите, - спохватилась женщина. – Внучке я не говорила, куда он ушел. Если спросит вас, то...

Жгучее чувство предательства и обида захлестнули девочку с головой, она не могла больше подслушивать разговор. Сдерживая свой гнев, бушующий внутри, она тихо покинула своё место. Лишь погода, она со всех ног понеслась в сторону терема. Но родной ли он? Смятение: ей лгала бабушка, которой она безмерно доверяла и слушалась, её бросил отец в самый важный день. И это всё не находило выхода. Привычка слушаться старших боролась с попыткой узнать правду. С топотом она поднялась по лестнице, добегаая до двери, и дёрнула за ручки. Засов всё так же крепко сдерживал дверь, а замок никак не поддавался.

Она ещё раз с силой задергала ручку двери, надеясь, что хоть так петли пошатнутся – не хватало её силёнок. Остановилась лишь тогда, когда почувствовала, что кто-то дёргает за подол сарафана. Это был охранитель, которому не нравилось, что делает Зорья.

- Отстань! - крикнула девочка, вырывая ткань из пасти щенка. – Ты не понимаешь!

Ключи было искать бесполезно, бабушка могла их запрятать куда угодно, вплоть до ношения их с собой. В порыве чувств она решила, что лучшим решением будет забраться через крышу в окно светлицы. Развернувшись, она прикинула, где лучше всего будет забраться на крышу. Пробегая через открытые двери, она выглядывала через ставни, высматривая нужный путь. Вновь перед ней встал дух-охранитель, она отпихнула его, не беспокоясь о его дальнейшей судьбе.

Путь нашелся через её же покои.

Не спеша, стараясь не сорваться, она медленно взбиралась по настенным украшениям вверх. Край сарафана за что-то зацепился, она рванула его на себя, не заботясь о целостности наряда. Подтянувшись, она смогла перебросить себя на крышу и уже там уверенно встала на ноги. На крыше оказалось не так сложно ориентироваться: помня, где находится её светлица, она нашла и батюшкину. Зорья подняла голову от черепицы, окидывая взглядом соседние дома.

«Как же красиво, аж дух захватывает», - подумала девочка, переводя дыхание.

С высоты их терема можно было разглядеть все здания, большие и малые, как на ладони. Только руку протяни и схватишь.

Подойдя ближе к краю, она присела, упираясь коленями, заглядывая вниз – выглядело всё довольно крепким. Она привыкла во время обучения под руководством волхва, ей приходилось лазать по деревьям да скалам. Какая-то крыша дома казалась ей сущей ерундой. Откинув малейшие сомнения, зарождающиеся из-за надежды решить всё мирно, она задом наперед стала потихоньку сползать вниз, крепко держась за край.

Что-то треснуло.

- Зорья!

Внезапный окрик испугнул девушку, заставляя ухватиться крепче за треснувшую деревяшку, падая вместе с ней вниз. Она была готова поклясться, что слышала голос духа-охранителя.

Затем гнетущая темная пустота.

Когда Зорья очнулась, то в спутанных воспоминаниях было ощущение, что кто-то звал её и говорил с ней. Как что-то мокрое прикладывали к лицу. С открытыми глазами она лежала и смотрела в незнакомый полук, силясь вспомнить, что с ней случилось. Вся комната кружилась.

- Очнулась! – облегченно воскликнул знакомый Зорье мужской голос, она зажмурилась от резкой боли.

Бабушка и наставник сидели около постели девочки. Рядом была женщина – знахарка, лечившая всех в деревне от хворей, но семья Зорьи редко к ней обращалась. Она что-то тихо сказала Велимире Павловне, а затем покинула помещение.

- Ты как, внученька? – озабоченно спросила она.

- Уйди, - тихо произнесла девочка, оскалившись и натягивая одеяло выше. – Ты соврала мне!

- Да что ты такое говоришь, - охнула бабушка.

- Я знаю, что батюшка не уехал на войну, - прошипела Зорья. – Ты соврала мне! Куда он уехал?!

Бабушка уже было хотела что-то сказать, но её остановил Иалу:

- Давайте отнесем её в ваш терем, и там будем говорить, - его голос был спокоен и тверд.

– Сейчас ей лучше лежать в спокойной обстановке, к тому же вам не нужны лишние уши.

- Да, конечно, - покорно согласилась Велимира Павловна.

Саму же виновницу никто не спрашивал, наставник Иалу хоть и не отличался особым телосложением, как Владимир, но вполне мог поднять девочку и донести до её покоев из одного дома в другой. Её уложили на родную постель, подкладывая подушку под голову. Видящую слегка подташнивало. Краем глаза Зорька углядела, как где-то под ногами суеился дух. Иалу предусмотрительно закрыл ставни, прежде чем бабушка начала говорить:

- Прости, я не должна была скрывать от тебя это, - неуверенно произнесла пожилая женщина. - Но твой батюшка... уже давно был одержим мыслью, что твоя матушка жива, ты и сама это знаешь. Кто знает, где он сейчас... Сорвался в ночь, кричал странные слова и ушёл.

Бабушка держалась не так уверенно, как раньше, чувствуя вину перед внучкой. Наставник стоял в стороне, за постелью Зорьки, придерживаясь за спинку кровати рукой и вслушиваясь в их разговор.

- Только не обижайся на Владимира, он сильно любил Соню всем сердцем. Придет время, и ты его поймешь, однако идти тебе за ним нельзя. Не разрешу. Кто знает, где его носит.

- Но, бабушка! – возмутилась Зорья, приподнимаясь на руках.

Стоявший позади Иалу положил ей свои руки на плечи, заставляя прилечь обратно.

- Не спорь, мое решение окончательное, - твёрдо произнесла женщина. - Он может творить, что хочет, а у тебя своя жизнь. Если найдет, что там ищет и что ему дороже живой дочери – вернется. Нет – будем считать мертвым.

Подтверждая твердость сказанного, она вышла из комнаты. Девочка болезненно простонала. Хотелось плакать, но, как назло, все слезы высохли. Иалу подсел к ней на постель.

- Учитель, я убегу...

- Нет, - прервал мысли ученицы, не дав высказаться. - Не сейчас.

- Почему?

- Зорья, ты слаба. И недостаточно взрослая, - покачал головой учитель. – Подрасти, учись. Этот мир огромный, и тебе нужно подготовиться, пока у тебя есть время.

- Но если я не смогу найти его... Пройдет столько времени...

Девочка сжала простыни, стискивая зубы. Слова, что произносил наставник, не были лишены смысла, но отзывались глухой обидой и ранили сердце. Он был прав. И признать это было сложно.

- Не переживай.

В комнате повисло молчание. Мужчина смотрел в сторону окна, что-то обдумывая, его челюсть была напряжена, а брови чуть вздрагивали.

- Я отправлюсь по его следам и буду присылать письма. У меня шанс отыскать его больше, чем у маленькой девочки без связей, - твёрдо сказал мужчина, поправляя ткань своей тёмной одежды, которая напоминала наряд Хранителя Знаний, хоть таковой не являлась.

- Вы правда сделаете это для меня? – её глаза расширились от удивления. Его бескорыстие всегда поражало Зорью.

Иалу медленно кивнул, до сих пор не смотря в сторону ученицы.

- В любом случае у меня есть дела ещё в столице. Меня заменит наша травница. Она не менее умна, и если бы меня не было, то, скорее всего, она была вашей наставницей. Тебе будет чему научиться. Но ты должна пообещать мне, что сначала подрастешь, прежде чем уйдешь за мной.

- Я... Постараюсь... - Нерешительно произнесла Видящая.

Девочка не знала, как сложится её судьба, не знала, куда ушел отец, ничего не знала. Но всё, что сейчас говорил наставник, имело смысл. Она была слаба, недостаточно умна и не могла постоять за себя. Если она сбежит, то куда пойдет? У кого просить помощи? Оставалось только отпустить ситуацию и готовиться.

- Позаботься о себе, - произнес Иалу, прежде чем покинуть почивальню Зорьки.

Место учителя занял безымянный дух, который только и ждал, когда все уйдут, он свернулся калачиком рядом с ней, наваливаясь бочком на ногу. От этого простого жеста ей стало спокойнее, Зорья перевернулась на бок, глядя духа-охранителя. Его шерсть и в такую теплую погоду была прохладной. Это напоминало о стремительно приближающейся осени.

- Прости.

В голове у обрученной мелькало много спутанных мыслей, они метались из стороны в сторону, переплетаясь ещё больше. Принять то, что ты слаб, сложно. Будь она сильнее, может, отец ей бы больше доверял. В голове всплывали картины того, как было бы весело, путешествуй они вдвоём в поисках матушки. В груди становилось больнее. Труднее было только остаться на месте, когда понимаешь, что нужно бежать по исчезающим следам в неизвестность.

Но зачем?

Имел ли смысл бежать за человеком, которому все равно было на твое существование? Не было ли ему плевать все это время, есть она или нет? Если она была важна, то почему он ушел? В чем вина Зорьки? Много беспокойства выпало на долю двоедушницы: туманное будущее, странное прошлое родителей, о котором не знала Зорька, но знала бабушка. Все, что она знала о них, было сказкой, про которую знал каждый ребенок в деревне. Но за тринадцать лет она так и не поняла, кто такой Владимир. Ответ был за дверью с засовом, там, куда не пускали девочку. Пока. Значит, ей нужно стать такой, чтобы эта преграда пала перед ней. Это возвращало её в ночь перед вознесением.

Нужно было стать сильнее ради желания утолить любопытство и унять обиду? Ради близких людей? Или ради себя?

Когда начала опадать первая листва, пришло время прощаться с наставником Иалу: проводжали его все дети, не только Зорька. Однако только для неё это было чем-то тревожным. За короткий промежуток её жизни близкие люди только и делали, что покидали её. И даже если учитель уедет, то кто знает, когда он пришлет письмо Зорьке. Дошла очередь до Видящей: она стояла чуть в стороне, ожидая, когда остальные дети отлипнут от наставника, после чего подошла.

Иалу мягко погладил её по голове.

- Я обещал, - улыбнулся мужчина на прощание. - Не переживай.

- Да.

Слова, произнесенные наставником, очень много значили для Зорьки, которая была готова оставить свой бунт позади. В них была надежда. Надежда пойти вслед за батюшкой, доказать ему, что она достойна.

Иалу покинул их деревню.

Глава 2.

После отъезда наставника, будни стали более тоскливыми и бесконечными. Следуя совету Иалу, она старалась как можно больше знаний получить от своей новой наставницы. Свободное же время двоедушница посвящала развитию собственных сил и общению с духом-охранителем. Такие занятия проходили в уединённом месте, где они пытались лучше понять друг друга и окружающий мир. Еще Зорька выполняла обязанности Видящей, возложенные на неё после «выздоровления», всё для блага деревни.

Листва постепенно опала и голые деревья, окутанные полумраком, казались неказистее и опаснее, чем укрытые листвой.

- Звери собираются в спячку, но медведи ещё бродят, - обручённая говорила со своим духом-охранителем, хоть и не могла слышать его ответ. - Если почувешь, то предупреди, не хотелось бы наткнуться.

Она протянула руку за спину, и волчонок подал ей красную ленту – такой цвет лучше всего был замечен в зимнем лесу. Зорька повязала её на ствол дерева, поставив таким образом знак предупреждения и направление для заблудших ловчих в лесу. Прибрала и украсила жертвенники с чашами, куда приносили угощения для духов леса, чтобы те не шалили лишний раз. Духи привечали её, потому не беспокоили, больше оберегая юную двоедушницу, как часть их самих.

Внезапно острая боль звоном пронзила голову, двоедушница ахнула, хватаясь за высокую кочку, стараясь не свалиться от головокружения, и мягко осела на землю. Охранитель засуетился вокруг неё, не зная, как помочь. А она, подняв глаза, увидела, как один из местных лесных духов, облачившийся в шкуру змеи, с любопытством наблюдал за ней. Его заметила не только она.

- Брысь, - прошипела девочка, подозревая, что приступ случился благодаря этому духу. Сделал он это из шалости или просто хотел познакомиться Зорья не знала, но решила спугнуть гостя. - А не то мой охранитель тебя съест.

Дух не стал испытывать терпение и скрылся за ближайшим пнем. Заставив себя присесть, девочка некоторое время пыталась отдышаться. После того падения она исправно пила горькие лекарства, однако такие приступы преследовали её, особенно когда какой-нибудь лесной дух решал пошалить. Утешением служило лишь то, что со временем это могло прекратиться, если она не получит новую травму и не будет мучить своё тело изнурительным трудом. Дух-охранитель положил свою голову на ноги Зорьки, доверительно заглядывая своими голубыми глазами в темно-серые своей обрученной. Почему-то ей казался его цвет таким чистым, что каждый раз, думая о том, что охранители – отражение души, то ей становилось стыдно.

- Димьян, - тихо произнесла имя духа она, дотрагиваясь рукой до лба волчонка, нежно поглаживая пальчиками. В ответ он зажмурил глаза, подставляя голову.

Это имя пришло ей в голову, когда она очнулась после падения с крыши, оно казалось таким знакомым. Девочка не могла вспомнить, где его слышала. Её охранитель ходил без имени, и она надеялась, что после приобретения его их связь станет более крепкой. Так и случилось. Двоедушница не могла объяснить это словами: иногда ей казалось, что до неё доходят какие-то отголоски эмоций или ощущений, что испытывал Димьян. Возможно, он так пытался докричаться до неё, тем не менее, ей было достаточно и молчания, к которому она уже привыкла. Была мысль спросить у волхва: «Почему их связь так слаба?». Однако со времен обряда его никто не видел. Как в воду канул. Хотя сейчас деревням он не особо был нужен, так как была Зорья и Хозяин Леса, который на зиму уходил в спячку, но в другое время бодрствовал и не давал лесным духам шалить в деревне. К тому же каждый дом строился как маленькая крепость, которую защищали духи предков, что покоились в основе. Да и время, казалось, было спокойным. Потому Зорье только и оставалось, что разбираться со всем самой и записывать эти мысли в харатью, подаренную наставником. Иалу оказался прав: это помогало.

Достаточно насидевшись на замерзающей земле, они продолжили вешать ленты. Иногда её просили говорить с рештами на реке, чтобы улов был хорошим. Души вод не сразу и порой нехотя отвечали юной видящей, но она училась на своих ошибках. Тем не менее все духи любили Зорью и были искренне ласковы с ней, но почему-то именно от этого её сердце не могло успокоиться.

Когда выпадал снег Зорька сопровождала ловцов до угодий, обычно этим занимался взрослый Видящий. От этого девочка испытывала большую ответственность и при этом они заботились о ней как о родной дочке. Ловчие дарили ей сладости каждый раз, когда направлялись за зверьем, и считали, что это приносит удачу. В остальное время она проверяла, все ли звери спят, нет ли следов медведей или других хищников, крепок ли лед на реке и безопасно ли будет рубить прорубь. С такими просьбами обращались к Видящим, и от того, что она могла помочь, ощущала себя нужной и полезной деревне.

Иногда они с Димьяном играли в снежки, потому как другие дети все чаще сторонились Зорью. Никто не прекращал общаться или здороваться, однако о теплых и близких отношениях речи не шло. Хоть и хотелось. Благодаря охранителю и Велимире Павловне подобное не сильно её беспокоило. Однако, вязкое ощущение никуда не проходило. Будто она застряла в бесконечном цикле повторения одного и того же. Где каждый день, был похож на предыдущий. А в минуты отдыха наступала «смерть», где она смотрела на себя со стороны, постоянно прокручивая в голове свои действия. Незаметно заканчивалась зима, и Ярило начинало больше греть и зеленая трава потихоньку выбиралась из-под снега.

Обрученная опустила глаза на пустую тарелку, обнаружив, что вкусность исчезла, и тяжело вздохнула. Димьян стащил бублик с блюда Зорьки. Видимо, решил, что нужно чаще делиться с ближними. За время, проведенное бок о бок, она не замечала, чтобы он чем-то питался, потому предположила, что дух делится с Малым Хозяином Дома – одним из прадедов Родомир. Уже не в первый раз охранитель утаскивал её сласти, а если она начинала возмущаться, то убегал весело, помахивая хвостом. Да и частенько бывало, что он покидал её компанию, а она осталась в тереме. Из-за этого Зорья ощущала пустоту, каждый раз оборачиваясь и не находя Димьяна рядом.

Пока мысли перетекали от одной к другой, Видящая сама не заметила, что всё это время чересчур внимательно смотрела на духа-охранителя. Ей показалось, что такой пристальный взгляд смущает его, и дух старательно отводит глаза и отчего-то ёрзает.

- Нужно пройтись, а то прирастем к лавочке, - девочка похлопала себя по шерстянке.

Теплый зимний ветерок обдувал приятно лицо, вне стен дома Зорька ощущала некоторую свободу. Иногда хотелось ей просто взять и пойти куда глаза глядят. И идти далеко-далеко, где не знают о ней и её горестях.

Только от себя не убежишь.

- Димьян, - двоедушница резко остановилась, смотря вдаль. - Давай на перегонки до «незамерзающего ручья» за большим камнем?

Охранитель задумчиво замер и кивнул головой, не успев среагировать на действия обрученной, и упустил мгновение - она уже сорвалась с места, смеясь. Уже не в первый раз соревнуясь, Зорья смекнула, что не может потягаться с духом, и решила сжульничать. Внутри неё всё ликовало от маленькой шалости. Ведь это было наказание Димьяну за сворованные бублики!

Ноги несли её вперед сердце стучало в ушах, и девочка улыбалась. Она день ото дня мечтала жить такой простой и ясной жизнью, когда не нужно стремиться никого удивить и можно работать в удовольствие.

Следуя за ней, порой обгоняя, дух-охранитель не стремился победить, скорее наслаждаясь настроением обрученной, последнее время она была понурой, и он сильно переживал. Перескакивая через бревна, огибая овраги, они двигались как единое целое. Ощущалось это

так явно, что у Зорьи перехватывало дыхание, казалось, она одновременно была в своем теле и вне его.

Рывок. Она добежала, тормозя о большой заснеженный камень и обнимая его. Позади уже сидел Димьян, в отличие от девочки он совсем не запыхался.

- Я первая, - рассмеялась Зорька. – Скажи честно, ты подыграл мне?

Димьян хитро сощурился, будто смеясь над девочкой, и деловито развернулся в сторону деревни. Тут же он замер, пригнувшись к воздуху, и, уловив какой-то запах, дух побежал в нужную сторону, но то и дело останавливался и проверял, идет ли за ним его обрученная. Зорька пошла следом, почему зря охранитель звать и предупреждать не будет.

Подозрения подтвердились. Димьян привел их на поляну, где было разбросано множество следов по снежному покрову.

Зорька в ужасе охнула:

- Это же шатун... - тихо произнесла она, будто медведь мог на неё сейчас наброситься. - Нужно предупредить деревенских!

Стремглав они побежали обратно, повязав пред этим лентой из косы ветку дерева. Веселый настрой сменился беспокойством. Переживала она, что могло уже что-то случиться непорядочное, если бы она была более ответственной.

Нет.

Нельзя было так ей думать!

В глубине души она надеялась, что ничего еще не успело случиться и никто не пострадал. Белый снег не был покрыт кровью. Быть может, они с духом-охранителем первые, кто нашёл эти следы. Она не смогла бы себя простить, если б увидела смерть тех людей, которых должна защищать.

По присыпанной снежной дороге из деревни навстречу к ним спокойно шли ловцы. Именно их Зорья и искала. Преграждая удивленным мужчинам путь, она протараторила:

- Никандр, не ходите, - дыхание перехватило от паники. – Там... Там...

Предыдущие догонялки не отняли у неё много сил, но сейчас она ощущала усталость. Легкие обжигал прохладный воздух, и его не хватало.

- Сначала успокойся, а потом говори, - ласково произнес названный ловчий.

У Никандра тоже была дочка, и ему казалось всегда странным поведение отца Зорьки, который оставил девочку под присмотром бабушки. И, несмотря на возраст Видящей, он относился к ней с уважением и почтением.

Юная двоедушница кивнула, сжимая кулаки.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Она не успокоилась, однако смогла нормально говорить. Кровь стучала в висках.

- Шатун вышел! – быстро проговорила она, иногда запинаясь. - Недалеко от ручья за большим камнем!

- Вот оно что, - задумчиво протянул Никандр, переглядываясь с соратниками по ремеслу. Он не испугался.

Мужчины решили переговорить. Зорька с волнением посмотрела на духа-охранителя. Волчонок подошел ближе и положил лапку на её ногу, такой жест чуть успокоил обрученную. Она и не замечала, как переживала из-за такого сама и сама себя накрутила, а ведь никто ещё не успел пострадать. Сейчас она понимала, что ей удалось предупредить. Видящая улыбнулась.

- Мы возьмем снаряжение и попробуем выследить медведя, - отвлек от мыслей девочку подошедший ловец. – А ты предупреди местных, чтобы не ходили в лес, пока не справимся.

- Но я же могу помочь! – воскликнула девочка, да так звонко, аж сама удивилась.

- Твоя самая лучшая помощь, если ты останешься тут и предупредишь людей.

Голос Никандра был твёрд и не потерпел бы возражений, посему ей оставалось только согласиться с этим. Двоедушнице немного стало обидно от того, что ловцы отказались от ее помощи.

- Мы не принижаем твой труд, - мягко произнес ловец. – Взрослые должны защищать деревню и детей. Ты пока ребенок, хоть и Видящая.

Вновь ей сказали, что она ребенок и ничего не может. Она уже собиралась возразить, да тут ей на голову легла рука мужчины, одного из ловцов деревни, он мягко взъерошил ее волосы, не дав зарыться в грустные мысли:

- К тому же кто-то должен будет следить за деревней, пока нас нет.

- Спасибо за помощь, - кивнул ей младший из ловчих, до этого стоявший молча.

Натянуто улыбнувшись, она подчинилась. Пусть ей не доверяют и считают слишком маленькой, но придет время, она будет достаточно сильной. Пока же будет довольствоваться тем, что есть, и набираться опыта – так себя утешала Зорья. С этими и другими мыслями двоедушница и её верный друг побежали предупреждать местных жителей. Быстро весть облетела всю деревню. Единственный человек, которого так и не удалось найти, была знахарка, что учила местных детей письму, а некоторых обучала азам лекарского дела. Только Зорье она отказала. Девочка узнавала о свойствах трав только на общих занятиях, когда им говорили, что собирать и есть в лесу нельзя, или подслушивая чужие разговоры. Неведомы ей были причины подобного отношения, да и не рисковала она спросить, почему к ней так относится женщина.

Травницы нигде не было. Потому найти её попросила обрученная духа по запаху и следам, он был внимательнее, да и видел больше, чем та, о которой заботился. Раньше же она считала, что духи будут близки к людским способностям. Димьян осматривался по сторонам, принюхивался к земле или воздуху, а иногда и вовсе смотрел в пустоту. Благодаря его чутью вскоре они настигли женщину. Она закрепляла в берёзу полый колышек для сбора сока.

- Простите, - неуверенно начала девочка, мгновенно слегка робея под её хмурым взглядом.

Женщина отвернулась, более не обращая внимания. Травница Ярима аккуратно и сосредоточенно вбивала колышек в дерево. Охранитель мягко стукнул хвостом ногу Зорьи, подбадривая и заставляя говорить дальше.

- Наставница, по лесу бродит шатун, - голос внезапно осел. - Ловчие просили не выходить без надобности из деревни.

- Хм, вот как, - спокойно произнесла женщина, убирая волосы под платок. - Ладно. Только почему ты в таком виде?

Она указала на растрёпанные волосы девочки, отсутствие тёплого платка. Было не так уж и холодно, только многие старались носить даже в такую погоду достаточно тёплые вещи, закрывающие шею, чтобы не простудиться. Видящая не задумывалась, как она выглядит, пока ей на это не указали, да и тепло ей было, она же двигалась.

- Ах, простите, - вздрогнула Зорька, выпрямляясь.

- Чего передо мной извиняться, - строго произнесла женщина. – Лучше приведи себя в должный вид, когда вернемся в деревню.

Зорья не посмела далее разговаривать с наставницей. И когда Ярима закончила вбивать колья, развешивать ведра, то они вместе вернулись в деревню. Выговор наставницы глубоко въелся в голову девочки, настроение испортилось, потому она сразу же закрылась в своей светлице, как только доложила бабушке о произошедшем. Димьян лениво улегся на постели Зорьки, а та крутилась перед зеркалом.

Темно-русые волосы действительно были спутаны, пряди выбились из кое-как заплетенной косы. Наряд косо висел на ней, уходя то влево, то вправо. Она рассмотрела на лице еле заметные веснушки и тёмные круги под серыми, как у матушки, глазами. Ей до сих пор снились плохие сны и из-за них она не высыпалась. Отошла на шаг от зеркала и на лице маленькие

поцелуи Ярила уже не были заметны, а вот темные круги стали более отчетливыми. Возможно, стоило вообще отойти ещё подальше, чтоб не видеть и их. Вздохнув, двоедушница повернулась к Димьяну, тот сузил глаза в полумесяцы, как бы насмехаясь над проблемами юной девушки.

- Она права, - тихо призналась себе Зорья.

Плюхнувшись на постель, нерешительно рассуждая о том, что её беспокоило. С тех пор как Димьян появился в её жизни, она старалась каждый день делиться с ним вслух своими мыслями и тревогами, надеясь, что однажды он ответит ей. Подобное ей нравилось больше, чем делать записи, ощущалось более живым.

- Не могу понять, важна ли для меня моя внешность, - расплетала косу девочка. - Но это отнимает столько сил. Да и зачем это делать, кому какая разница, как я выгляжу? Никто на меня не смотрит, а если смотрят, то шарахаются и вежливо кланяются, будто идола какому!

Взяв все-таки гребень, она стала расчесывать пышную копну волос, чуть не выдирая их из головы. Некоторое время Димьян терпеливо смотрел на это и, не выдержав такого надругательства над волосами подруги, подлез под её руку, забирая средство пыток.

- Эй! – только и успела возмутиться девочка.

Не оборачиваясь, Димьян спрыгнул с постели, оттолкнул лапой дверь, открывая её, скрываясь в проёме. Зорья вскочила на ноги, выбегая за ним в сени. Дух только и ждал, когда она подбежит ближе и попытается ухватиться за него, и тут же убежал, петляя между дверей. Незаметно приведя обрученную в горницу, где сидела у окна бабушка, занятая вышивкой.

Велимира Павловна, хотя уже и в почтенном возрасте, имела изящную маленькую фигуру, стать и ровную осанку, и всё это выделяло её на фоне остальных женщин в деревне. Седеющие волосы женщины всегда были убраны в аккуратные прически. Несмотря на родство, Зорья всегда ощущала себя неуютно рядом с бабушкой, так что план охранителя был вполне очевиден. Он принес гребень с остатками волос Зорьи на нем из-за яростного расчесывания и вручил его хозяйке семьи. Та отвлеклась от дел, приняла принесенную ей вещь, внимательно рассматривая, а затем переводя такой же взгляд на внучку. Мягко улынувшись, она окончательно отложила вышивку, поманив девочку к себе рукой:

- Иди сюда, помогу заплести, - голос Велимиры Павловны был мягким, как теплые весенние лучики.

Пока она убирала волосы с гребня, Зорька послушно уселась подле, поворачиваясь к бабушке спиной. Но чтобы она и не подумала сбежать, волчонок положил голову на колени обрученной. Девочка давно заметила, что вроде и не подросток дух-охранитель, как обычные звери, а также был мал, но уже не выглядел как щенок.

- Когда расчесываешь, то нужно чуть наклонить голову, - женщина поправила спину девочки. - Ты гребень вымачивала?

- Да, - так было сидеть неудобно, и Зорька ёрзала.

- Ладно, - Велимира принялась кропотливо вычесывать волосы внучки. - Медленно проводи по всей длине волос, не торопись. Только волос попортишь, если будешь куда-то спешить.

От ласкового голоса бабушки слегка защипало в носу, она поджала губы, промышав что-то согласное. Димьян ткнулся в ладонь, намекая погладить себя и отвлекая от тяжелых мыслей. Стараясь прислушиваться к звуку гребня и к приятным ощущениям, девочка чуть забылась. Медленно заходило Ярило, заполняя своими лучами покой, окрашивая деревянные стены в алые цвета. Шерсть духа тоже будто впитала в себя этот вечерний свет.

- Она назвала тебя Зорья, потому что ты была её маленькой надеждой, - внезапно произнесла Велимира Павловна с таким теплом, из-за которого Зорье хотелось затаить дыхание, дабы услышать рассказ полностью.

Девочка не видела лица бабушки в этот момент, тем не менее была уверена – она улыбалась. Это всегда случалось, когда разговор заходил о Сонье. Будет ли кто-то в её жизни такой, кто будет так же тосковать и после её смерти?

- Твоя матушка считала зарево особым временем. Сонья говорила, что её переполняет надежда, когда она видит цветущее небо. – Велимира отложила гребень в сторону, заплетая косу. – Она очень хотела передать тебе эти чувства.

Не в силах что-то ответить, Зорька сжала ткань сарафана, ощущая, как редкие жгучие слёзы, что она так усиленно держала в себе, скатываются по лицу, падая на макушку волчонка. Никто не мешал ей тихо выплакаться, все вокруг делали вид, что ничего не видят, не желая смущать девочку. Она всегда старалась вырасти как можно быстрее, чтобы не создавать проблем родным, девочка не помнила, чтобы хоть когда-то играла просто в детские игры, не думая о том, что она Видящая. Даже в семье ей казалось, что показать собственную слабость непросто.

Когда пришло время отправляться ко сну, Зоря поблагодарила бабушку и отправилась к себе в светлицу без духа-охранителя. И хорошо. Ей хоть на мгновение хотелось побыть наедине с собой. Душа, что ныне носила имя Димьян, на некоторое время осталась сидеть рядом с Велимирой, провожая взглядом девочку. Стоило раздаться в тишине терема звуку закрывающейся наверху двери, женщина произнесла:

- Спасибо, что заботитесь о ней, многоуважаемый дух, - поклонилась она волчонку. – Вы и сами знаете, какая она...

Желая что-то ещё добавить, но просто тяжело вздохнула, махнув рукой, и посмотрела духу в глаза. Взгляд духа был осмысленным, живым. Димьян медленно кивнул ей, давая понять, что принял её слова, а затем степенно покинул хозяйку семьи, направляясь к обручённой.

Свет Месяца проникал через окно, освещая маленькую девочку, скупившуюся в углу, тихо плачущую от захлестывающих её чувств. Самое главное, чего не хватало ей, – веры в себя и свои силы, но Димьян не мог и не знал, как ей в этом помочь. В его силах было лишь направлять, находясь рядом, сопровождая Зорью до самой её смерти. Забравшись на постель, дух свернулся подле двоедушницы калачиком, проявляя так свою заботу.

И всё же жизнь шла своим чередом. Зорька старалась просыпаться рано утром, умывалась и заплетала туго косу, как учила бабушка; патрулировала лес и искала следы зверья, в основном того шатуна, которого всё ещё не отыскивали ловчие. Как в итоге выяснили, косолапый покинул пределы Старого Поддубья, направляясь к деревне Еньке. Ловчие отправили сразу гонца к соседям, предлагая объединить силы, подготовив от каждого села по несколько дюжих мужчин. Никого уговаривать долго не пришлось, желающих защитить своих родных было достаточно, да и травница из соседней деревни вызвалась, сразу оказать помощь в лечении ран, если таковые случатся. Ярима же, травница из родной деревни девочки, сказала, что должна остаться с детьми, которых обучала. Двоедушница желала сама пойти, в этот раз ей не отказали, потому был присмотр множества людей, все улыбались и называли это в шутку «боевым опытом». За свою ещё столь короткую жизнь она ни разу не ходила за зверем, видя только итоги в виде мертвых душ, привозимых в деревню. Мясо и шкуры которых делили на всех, отдавая шкуры сначала тем, кто нуждался, и стараясь, чтобы все были сыты. А души они с бабушкой успокаивали для нового круга жизни.

Все оказалось более разочаровывающим, ведь ей сказали: «Стой и не мешай». С другой стороны, сама она ничего не могла бы сделать. Дикий зверь, как-никак. А её присутствие требовалось, чтобы духи леса не мешали и способствовали охоте. Да и ещё и ловчие ненароком не зашли на тропы, ведущие в Глухой лес, где водилось много опасных рещт.

- Не трус, зайчонок, – весело подбодрила её травница, заметив, как Зорька напряжена.

Она кивнула, так и не глянув на женщину, больше думая о происходящем, вслушиваясь в окружающие звуки. Весна близилась, и об этом предупреждали наливающиеся соком почки на ветвях. Скоро пищи станет больше, однако шатун никуда не денется, потому так дружно ловчие двинулись на его поимку. В лесу были видны не только следы животных, но и рещт,

а они на этой территории были редкостью, особенно в это время года, когда не сошел снег. Видящая мысленно отмечала следы, а иногда подходила к деревьям и вешала на них ленты. Лишь немногие твари были способны передвигаться зимой не далеко от деревни, и все они были несомненно опасны. Но надежда двоедушницы на то, что она отгонит темные мысли, притягивающие Навь, и это обычные духи, пожиравшие людские страсти, должна укрепиться среди охотников, принося покой. Самая большая беда от мелких духов будет в попытке вытящить силы из смертных, но не убить.

Только все заметно поуспокоились да расслабились, как черная тень набросилась на слабейшее звено цепи, собираясь убить девочку или женщину. Зорька не могла и слова вымолвить, наблюдая, как время остановилось. Она разглядела каждую бурую шерстинку, среди которой увидела остатки черного угля на теле медведя, и темные глаза, полные злобы и ярости, и пасть, полную острых зубов с засохшей кровью на них. В деревне она слышала, что шатун все-таки задрал или ранил кого-то из людей. И сейчас она понимала – он мог. Ей даже нечего было вспомнить о собственной жизни...

- Ах! – вскрикнула Зорька, закрываясь руками, когда мимо неё промелькнула другая смазанная фигура.

Димьян бросился шатуну наперерез, впиваясь зубами в глотку. Волк был хоть и мелким, но, поскольку он был духом, это давало небольшое преимущество.

Время продолжило свой привычный ход.

Девочка упала от страха, осознание не приходило, травница обняла её, заслоняя своим телом. Мужчины загородили их спинами. Сидя позади них, Зорька и травница внимательно смотрели, как косолапого загоняли. Внутри девочки что-то кольнуло от неправильности ситуации, ведь будь она смелее и мудрее, то, может, отдавала приказы охранителю, да сама поддерживала мужчин, однако все справлялись и без её участия. Всё внутри неё сжималось от страшного рёва животного, да и уши закладывало от его воя и рычания, а еще жуткого шума, звоном нарастающего в голове. В объятиях, защищенная, не в силах сдвинуться с места, Зорька могла лишь напряженно наблюдать, как ловчие справляются с шатуном, который, не желая сдаваться, бежал в Глухой лес, оттуда никто не возвращался, это было место решт, и зверью там тоже не место.

- Зорья, очнись! – услышала она мужской голос где-то в подсознании.

Она вздрогнула, возвращаясь в Явь, шум медленно отступал, оставляя после себя легкую головную боль. Осторожно оглядываясь, она боялась, что увидит кого-то мертвым, но мужчины были только ранены. На некоторые ранения без боли и не взглянешь, но почему-то люди радовались, возможно тому, что остались живы. Желая что-то сделать для других, девочка решила помочь с обработкой ран под чутким руководством травницы Любоны, которая занялась более серьезными случаями. Женщина была похожа на живое воплощение весеннего света с волосами цвета песка и лицом, усыпанным яркими веснушками, и они так шли ей, не то, что Зорье. Она даже поймала себя на мысли, что хотела бы стать её ученицей. Ярима была злой и вредной, по сравнению с терпеливой и доброй Любоной, даже ловчие рядом с ней смущались.

Специально Зорья выжидала момент, что бы подстеречь Любону, когда она закончит и отвлечется на сбор подснежных трав.

- Извините, можно с вами поговорить? – неуверенно начала девочка.

Строгое лицо травницы вмиг разгладилось и смягчилось, она улыбнулась:

- Конечно, а то я было испугалась, что дух выполз из лесу. У тебя голосок такой тоненький, - рассмеялась женщина.

Чуть замаявшись, девочка решила так же присесть, как и женщина, и уже говорить вполголоса, чтоб другие не подслушали. В силу своей юности страшно было ей говорить с женщинами, что годились ей в матери, их голос всегда становился чуть мягче по отношению к ней,

и они начинали постепенно проявлять некую ненужную строгость, да поучать её жизни. Зорья просто не знала, как себя с ними вести.

- А вы бы не могли взять меня в ученицы? – тихо спросила она. – Мне хотелось бы научиться вашему ремеслу.

Улыбка сошла с лица женщины, сменившись удивлением, смерив взглядом девочку, Любона быстро собрала сумку и предложила прогуляться и поговорить. Зорья почему-то легко доверила женщине все свои проблемы со знахаркой в их деревне, что та недолюбливает её и учить не желает, а все попытки наладить отношения оказались бесполезными. Она говорила и говорила, удивляясь той легкости, с которой выходит с кем-то обсудить переживания.

- Я всё поняла, - задумчиво кивнула Любона. – Могла б с ней поговорить, но боюсь, как бы хуже не стало. Да и не всякому расскажешь о такой проблеме. Деревенским будет сложно выбирать между тобой с благословением природы и знахаркой, которая их лечит, если ссора разрастется. Тебя не могу учить – своих хватает, да и...

На последних словах сердце Видящей разбилось, она заметно скуksилась, понимая, как надежда исчезает.

- Не падай духом, - подбодрила её травница. – Понимаешь, когда в деревне появляется свой Видящий, то его сильно оберегают и делают всё что угодно, чтобы он осел в деревне. Боюсь, как бы не поссорились соседи из-за этого еще больше. В нашей деревне и так недовольны, что только у вас есть Видящие, потому и урожай лучше, и трава зеленее...

Вокруг Видящих всегда ходили слухи, что открыты им таинственные знания, держаться они со статью, дарованной им природой с рождения. Зорья была не такой – худощавая девочка с румяными щеками и большими глазами, растрёпанные волосы и обгрызенные на руках ногти её совершенно не смущали, не говоря уже о том, что все эмоции и чувства читались на её открытом милом личике. Непонятна была и неуверенность девочки, которая шарахалась от любого слова, обращенного к ней. Любоне стало жалко малышку.

- Ладно, - прикрыла она глаза. - Как только сойдет первый снег, мы встретимся у Серебристого озера.

Девочка подняла взгляд на травницу, полный надежды. Женщина хмыкнула про себя, отмечая, как юная девушка пыталась сдержать счастливую улыбку.

- И это будет не за даром. Я тебе помогу, а ты мне, - помахала она указательным пальцем. – Это будет честно. Договорились?

И, конечно же, Зорья согласилась.

Когда они вернулись назад, ловчие уже решили, что делать с медведем, если вернется из Глухого леса. Не зря лес так назывался, его территория полностью принадлежала Хозяину леса, и смертные туда и носа не казали. Ходили слухи, что ходят там свободно решты, опасные и голодные до плоти, зверья там не водилось – пожрали. И никто не рисковал добровольно туда пойти. Если повезет косолапому, и его там не сожрут, то, может, и вернется, тут ловчие и расставили ловушек да пугалок. Видящая не сильно хотела знать, что с медведем станет, если люди его поймут. Да и поймут ли? И дело не в том, что зверя было жалко, нет. Ей не надо было объяснять круговорот жизни. И не видела ничего плохого, если его когда-нибудь съедят и сделают шубу, ведь это лишь означало, что он продолжит жить в другом виде. Просто почему-то ей казалось странным заранее устраивать дележку не убитого зверя.

Вернувшихся из леса встретили с радостью многие жители. Люд в деревне же решил устроить маленький праздник, по ощущениям казавшийся Зорье больше сном, нежели явью. Зажжённые свечки и костры для поддержания тепла освещали центральную площадку, на которую вытащили много больших столов и накрыли яствами.

Радость особая была в том, что даже встретившись с медведем, мужчины вернулись домой живыми и даже почти целыми. Под общее веселье ловчие рассказывали, как прошло сражение, восхваляя Димьяна и Зорьку, благодаря предков, что есть в их деревне свой Видя-

щий, из-за чего прошло все благополучно. И если Хозяин леса заберет себе шатуна, то готовят для духа большой дар! Зорька в компании бабушки и волка скромно сидела за одним из столов, куда люди подносили какие-то вкусности, дабы ублажить Видящую. Будто она тоже какой-то дух, который требовал поклонения. Девочка смущалась, опуская взгляд и произнося каждый раз благословение принесшему дары.

Велимире Павловне на пятый раз это надоело, и она стала отгонять людей от их стола.

- Идите веселитесь, - махнула женщина рукой. – Все живы остались!

Праздничное сновидение быстро закончилось для юной девушки, вечерело, и бабушка повела Зорьку домой. Девочка была чуть-чуть ошарашена, она почти ничего не запомнила, кроме веселых песен, плясок и улыбок взрослых людей. Ощущение у неё было, что всем людям очень не хватало праздника. И почему-то именно сейчас, когда она молча шла с Велимирой Павловной под звездами, она чувствовала себя настоящей и живой.

- Красиво, - бабушка проследила за взглядом внучки. – Ты сегодня молодец.

- Я же ничего не сделала, это заслуга Димьяна, - вздрогнула она, бросая взгляд на своего духа. – Он защищал меня, а я...

- Всё впереди, - рассмеялась женщина. – Твоя матушка долго училась стрелять из лука и тренировалась со своим соколом.

- Но я даже плохо стреляю, хотя она в моем возрасте могла со ста шагов попасть в цель!

- Тебе не обязательно быть как она, найдешь ещё, что удобно для тебя, - добродушно отозвалась женщина.

Что-то согласно промычав, девочка погрузилась в думы. Вспомнила, как пробовала обращаться с оружием, ловчие не против были её поучить. Да и девочка сама приходила посмотреть, как они учат мальчишек. Но за всё время так и не смогла она добиться выдающихся результатов, разве что защитить себя могла немного, но разве этого достаточно?

В любом случае сегодня была замечательная ночь для Зорьки.

Пришло время обнажения земли, наконец лёд на реке дал первую трещину, извещая о скором выходе вод. Помня уговор, Видящая направилась в условленное место к новой наставнице. Очередная попытка наладить отношения с Яримой ни к чему не привела, знахарка стала ещё больше игнорировать Зорью. И она в ответ совсем перестала посещать занятия, уделяя время только текстам, написанным в харатях, что хранились в общественных хоромаш в центре деревни. В них не было нужных знаний, да и вообще смысла в них было не так уж много, даже те, что были в их семье Родомир, были более содержательными.

Шлёпая по проплешинам снега, Зорья и дух шли к Серебряному озеру под пение первых весенних птишек. Некоторые из них, съедая ещё не отмерзшие ягоды, падали наземь. Двоедушница хихикнула, проходя мимо очередной «пьяницы», только что плюхнувшейся перед ними, Димьян же понюхал птишку, убеждаясь, что она жива.

У водоема, как и обещала, их ждала Любона, она мурлыкала под нос незатейливую песенку и собирала приречные подснежные травы.

- Доброе утро! – непроизвольно громко произнесла девочка.

Любона тепло улыбнулась, оценив подобное рвение юной ученицы, и они тут же решили начать занятия. Особенно женщину поразило, что девочка быстро все знания схватывала, вдумчиво уточняла непонятное, а иногда просто записывала да зарисовки делала. Впервые за время с отъезда Иалу Зорье было интересно учиться. Хотелось ей, чтобы время продлилось дольше, однако занятия быстро закончились.

Вернувшись в деревню, она заметила незнакомца в наряде гонца с большой сумкой через плечо. На тощем мужчине была подбитая мехом кожанка темного цвета с яркими медными пуговицами, на которых был изображен княжеский герб. И так Зорье приглянулись эти пуговицы, что она в какой-то момент поймала себя на мыслях, что хотела бы попросить у этого незнакомца хоть одну. Она отогнала эту мысль, посчитав слишком ребяческой, важнее было

другое: Иалу так и не прислал ей ни одного письма. И возможно, она бы могла узнать, не принес ли он что-то для неё? С этим желанием она подошла к растерянному гонцу и поздоровалась. Рассеянный, уставший мужчина кивнул ей в ответ и спросил:

- Где дом вашей травницы Яримы Федовны? – сверился с записью на бумаге мужчина.

В руках у него было два письма, аккуратно завернутых в листы и связанных вместе крепким жгутом; они были потрепаны, скорее всего, пережили немалый путь.

- В том конце деревни, - махнула девочка рукой в сторону, где жила бывшая наставница. Ей было интересно, эти письма от Иалу или нет, ведь они с Яримой хорошо общались. – Я вас могу провести.

Мужчина задумался, а затем вручил письма Зорьке, растерявшись, она не сразу их приняла, но когда взяла, то гонец хмыкнул:

- Знаю, не положено так работу перекладывать, но послужи, будь другом. А я дальше пойду, мне ещё в соседние деревни зайти надо. Авось успею ещё три обойти до вечера, и будет кров над головой!

После этих слов мужчина развернулся в сторону другой деревни, да так и ушел. Не знала девочка, радоваться ей или нет такой легкой возможности узнать, что таится в письмах для Яримы. Но, не дойдя до дома знахарки, она развернулась и рысью побежала до своего терема. Плотной прикрыв дверь в светлице, достала охотничий нож из сумы на поясе и аккуратно разрезала веревку.

Как она и надеялась, одно письмо было для неё от наставника Иалу.

«Зорья, надеюсь, ты усердно учишься?

Это письмо дойдет к тебе, если я буду долго находиться в путешествии. Надеюсь, предыдущие письма ты получила и когда закончишь обучение, найдёшь меня.»

Текст был коротким, она пробежала строки раз за разом, всматриваясь в буквы.

«Предыдущие письма? Он мне писал!» - осознала Видящая.

Зорька растерялась и разозлилась одновременно, но вмешался Димьян, следовавший за девочкой верной тенью. Волчонок дёрнул её за край сарафана, заставляя посмотреть на себя. От этого жеста вся злость куда-то испарилась, и обручённая осела на пол с письмами.

- Иалу сдержал обещание, - произнесла она одними губами, читая письмо, обращённое к наставнице, в котором не было ничего интересного. - Он просил Яриму передать письма мне, но она не сделала этого. Как думаешь, почему?

Не успев получить какой-либо ответ, двоедушница продолжила говорить:

- У меня нет сил злиться на неё, если честно. Это выматывает. Я знала, что не нравлюсь ей, но не понимаю причину? Разве можно просто так ненавидеть кого-то, кто тебе ничего не сделал? Это разве правильно?

Приподнявшись, Димьян прижался мордочкой к щеке девочки, ласково проводя холодным носом по коже, она хихикнула, откладывая письма и обнимая духа-хранителя, утыкаясь лицом в его мягкую шерсть.

- Я не ненавижу её, просто не понимаю, за что она меня так... - тихо вздохнула. – Я правда стараюсь, но...

Охранитель завертелся в руках обручённой, и та отпустила его, подумав, что духу неудобно так сидеть. Но Димьян не знал, как ободрить свою подругу, и лизнул её в щеку. Не ожидавшая такого, девочка замерла и вдруг весело рассмеялась, обнимая волчонка.

- Димьян, - тепло произнесла девочка. – Без тебя было бы сложно. Спасибо...

Она вновь прижала к себе духа, в этот раз крепче, чем все предыдущие разы, вкладывая в это чувства и благодарность. Да и Димьян не хотел оставаться в стороне, помахивая хвостом, он нежно терся головой о макушку девочки, положив лапы ей на колени. Посидев ещё немного в такой позе, Зорька с сожалением встала.

- Заберём своё. Это же не воровство? - задумчиво произнесла она, хотя сама еще не знала, как будет искать в доме знахарки весточки от Иалу, но моментально пришла мысль: - А ты можешь по запаху узнать, где в её доме лежат письма?

Волчонок наклонил голову, задумчиво моргая, а затем кивнул, и она положила перед ним эти письма.

- Нужно пробраться к ней, когда она уйдет. Может, рано утром? – нервничая, Зорья по вредной привычке потянула руку в рот, и тут её цапнул за рукав Димьян, не разрешая грызть ногти. – Давай ты проследишь за её домом? Сообщишь мне, как она уйдет.

План был такой: в эту ночь дух останется стеречь дверь дома Яримы, и как бы рано женщина не вышла из своего дома, Димьян должен будет разбудить Зорьку. Девочка не была уверена, что сможет незаметно покинуть терем, когда бабушка не будет спать. Да и не хотелось ей, чтоб другие видели, как она шатается по деревне без дела. Слухи пойдут. А если Ярима решит изменить привычкам и по утру не пойдет по делам?

После вечерней трапезы, когда волчонок отправился следить за домом травницы, Зорья принялась готовиться к краже. Не сомкнула она ночью глаз, забывшись в своих мыслях. Ей было страшно идти в чужой дом, но и вернуть своё надо. С замиранием сердца она вслушивалась в шорохи дома. Но так и не заметила, как Димьян оказался рядом.

Стараясь не шуметь, они покинули терем. Перебежками под окнами соседей, чтобы не попадаться случайным неспящим, они добрались до избы Яримы. Двери в деревне почти никто не запирает: все доверяли друг другу и помыслить проникнуть в чужой дом не смели. Зорья у травницы была впервые, потому как бывшая наставница не звала её на занятия, которые проводила. Стоило искре зажечь палочку лучины, то маленький огонёк осветил небольшую часть светлицы и очертания прохода в трапезную и дверь в личные покои травницы. Деревянный пол и развешанные по стенам разные пахучие травы. Глаза волчонка отбрасывали загадочный голубой отсвет, а его шерсть слегка светилась в темноте. Ещё раз понюхав письма Иалу, дух обратился к витающему в воздухе аромату трав, что-то уловил и махнул хвостом, привлекая внимание обрученной к выбранному направлению. Путь, ожидаемо, пролегал в личные покои травницы.

Дверь шумно скрипнула, Зорья замерла, напрягаясь всем телом, но вспомнив что тут кроме неё и духа никого нет, нырнула в проем. Вот только чувство, что за ними кто-то наблюдает поселилось назойливой мошкой где-то в сознании.

Комната несостоявшейся наставницы ничем не была примечательна: обычная кровать, широкая и с мехом на ней; меха и шкуры, застилающие пол, что бы не было холодно ступать на него утром; большое окно, закрытое ставнями; несколько сундуков, стол под окном и травы; так же хараты в мягких кожаных обложках. Зорье захотелось узнать, что в них написано, но всё же она одернула себя, ведь не за этим она пришла. Дух-охранитель, лениво осмотрев пространство, подошел к одной из шкур, откидывая край и скребясь лапой об пол.

«Под доской» - тут же догадалась девочка. Зорья достала нож, и погасила лучинку, дабы не спалить чужой дом. Поддев край с трудом подняла его и обнаружила на каменной кладке несколько писем. Видно у Яримы не поднялась рука сжечь их, но и отдавать их девочке она почему-то не захотела. Листы отсырели и уже начали подгнивать. Готовая расплакаться Видящая еле сдерживала себя, нельзя было терять время.

За их спиной скрипнула дверь, и маленькая тень бросилась на парочку воришек писем. Волк тут же перехватил нападающего, не давая и на пядь приблизиться к обрученной. Окружающий полумрак не позволял разглядеть кто это был, но его выдавал морозный холод, мурашками пробежавший по рукам Зорьм.

-Постой, не вреди ему! - кинулась вперед двоедушница. – Хозяин дома это!

Волк озадаченно глянул сначала на неё, следом на духа-предка этой семьи. Поразмыслив он выпустил его из пасти, и придавил лапой. Тень начала трепыхаться, приобретая людские

очертания. Медленно собирая тельце из дыма, глава дома теперь походил на маленького сморщенного старичка с редкой бородкой в довольно скромном облачении.

- Хранитель дома, простите, что потревожили вашу обитель, ворвались как тать и вскрыли тайник вашей семьи, - она глубоко поклонилась, лбом касаясь пола. – Не гневайтесь. Однако хозяйка ваша спрятала письма, что мне предназначены и были от наставника моего.

- Пусти, - скрипя зубами произнес домовый, шлепнув волка по морде.

Тот нехотя отпустил, только щелкнул зубами рядом с головой, предупреждая.

- Беды одни от вашего чужака! Заморочил голову хозяйке, не спит, не ест, страданица! – заворчал старичок. – А как уехал гад, так покоя найти не может. Злословить стала много. Забирай свои письма да проваливай. И чтоб я больше у себя их дома не видел!

Подняв взгляд на темный силуэт духа, Зорька удивилась, как расплывался от злости его образ в дымку, теряя очертания. Она и не помнила, когда последний раз видела хозяина дома в их тереме, чаще он мелькал еле заметной бледной дымкой и тут же прятался, не злился и не был добр, просто был. Этот же дух сильно сердился, из-за чего показался перед Видящей во всей красе, да продолжал ругаться на Иалу, многие из его слов она слышала изредка от мужчин за работой.

- Увижу хоть одно письмо – сожгу! – прибавил хозяин дома.

- Спасибо за ваше снисхождение, - такое обращение от Видящей изрядно польстило домовому. – Сейчас я не могу принести вам дар, но в надежде за ваше молчание я пообещаю вернуться к вашему дому в следующую ночь.

- Косу.

Девочка удивленно моргнула. По всей комнате пронеслось тихое хихиканье, казалось, даже в самом темном углу светлицы сидел этот дух. Она и раньше встречалась с мелкими безобидными и не очень созданиями, и чаще всего они преследовали только личные цели. А некоторые и вовсе желали съесть. Сейчас с ней был Димьян, которому не понравилось поведение домового, и он зарычал на него.

- Что?

- Часть косы отрежь и мне отдай, - морда его исказилась в довольной гримасе. – Была б колдуньей или ведьмой, то кровь попросил бы. А вас, двоедушников, покрывает пелена Нави, сил у вас нет, кроме близости с другим миром. Но все равно вкусно.

Зорья нерешительно переглянулась с волком: она не знала, что делать. Но и духа гневить не хотелось: слухи распустить нехорошие мог, а ей ещё жить в этой деревне. Скажут ещё: «Видящая воровкой стала». Не говоря о том, что житья он бы им не дал и попытался б терем сжечь. Хранитель дома, Родомир, скорее всего, бы не дал, но мало ли в деревне найдется духов, желающих напакостничать? То понимал и охранитель. Она решила.

- Только если стены сохраняют тайну, - нахмурилась Зорька. - Нарушишь обещание, и тебя вернет в глубины Нави!

- Сохранят-сохранят, - старичок протянул свои лапки к девочке, уже ожидая косу. - Отрежь давай. А мы между собой договоримся.

И Зорька отрезала прядь охотничьим ножом, рубанув в рост старичка. Тот радостно схватил обрубок волос, обнимая его. Хихикая.

У входных дверей зашуршали.

- Хозяйка пришла, - прислушался старичок. - Через окно уходите. И что б ноги вашей тут больше не было.

Ставни сами собой отворились, впуская внутрь свежий воздух. Димьяна и Зорьку не надо было уговаривать, они, не задумываясь, выскочили из избы. А как ноги земли коснулись, то проход и закрылся. С улицы послышался скрип двери, и как травница шагнула в избу. Вернувшись с Димьяном домой, девочка не хотела спать, ей не терпелось узнать, что же писал наставник. Только вот дух-охранитель был иного мнения.

- Но я хочу прочитать, - поканючила она, надеясь так выпросить время на изучение.

На Димьяна это не подействовало. Он обошел её с другой стороны и подтолкнул вновь в сторону постели - она чуть сдвинулась с места. Спорить было бессмысленно. Победил дух.

- Ладно, - пробурчала недовольно, соглашаясь идти спать.

Пока она переодевалась в сорочку, то заметила, что волк куда-то ушел. Не раз она подмечала, что стоит ей начать менять одежду, как Димьян оставлял её одну. Это могло быть и домыслами, но совпадения были слишком очевидны. Кто знает, что в голове у этого духа, ведь она так пока и не могла с ним разговаривать. Чужого хозяина дома слышала, а своего охранителя нет.

Она забралась под холодное одеяло, сжимаясь калачиком, и вернулся Димьян. Он устроился под боком. Самым удивительным было для Зорьи, как быстро и незаметно охранитель стал её другом, а еще эта осязаемость Димьяна: редко какие решты или духи были такими плотными, если они не питались мясом людским или были не благословлены свыше. Хозяин дома так вовсе на ощупь был как песок или пыль. А вот волк почти как настоящий, живой. Только не дышит. Ещё некоторое время поворочав мысли на счет охранителя, не спуская с него глаз, девочка наконец-то заснула крепким сном.

В последующие дни у неё совсем не оказалось времени для писем. Вставая ранним утром, она возвращалась домой затемно, и сил не было ни на что. С наступлением весны все начинали молиться духам. Выполняя свою работу Видящей, пока отсутствовал волхв, Зорья бегала к духам на реку, прося у них благосклонности. А подготовка к посевам с проведением ритуалов для мягкой весны, даже в компании бабушки, и вовсе отнимали все силы.

Ещё масленица была на носу, и нужно было помочь подготовиться к ней. Зорька не ведала, за что ей выпала такая честь, но в этом году ей торжественно поручили делать чучело для праздника. А потому нужно было найти палки, скрепить их и пошить наряд для возрождения Мары! Поначалу юная девушка возмущалась такой несправедливостью, но потом увлеклась делом: бегать по жителям и собирать обрезки тканей и всякие украшения для создания чучела оказалось довольно весело. Ей не только отдавали старые вещи, от которых собирались избавиться в силу негодности, но и болтали о разных делах. Ребята её возраста и младше с восхищением и завистью провожали Зорьку, отчего она чувствовала, что делала что-то важное. Самым сложным оказалось найти деревянную основу для чучела. Обычно искали её в лесу, выбирая упавшее за зиму дерево или мощную ветку. Взамен потом приносили Хозяину леса дары масленицы.

С Димьяном они нашли подходящие. Пару раз они останавливались, чтобы поприветствовать малых лесных духов, больше напоминающих легкий туман над поверхностью земли, только имеющие очертания существ с ручками и ножками.

- Димьян, нужно не забыть про дары, - пыхтя, девочка перехватила удобнее упавшее деревце, не пережившее зиму. – А то он обидится, что мы всю зиму буянили, ещё и шатуна согнали на его территорию.

Дух согласно кивнул головой, держа в пасти несколько длинных веток. Снег с каждым днем все больше оттаивал, кое-где даже виднелись первые подснежники, белыми колокольчиками ловко маскировавшиеся в снегу. Выдавали их только зеленые лепестки.

- Устала, - выдохнула Видящая, бросая на землю ношу, дух последовал её примеру. – Отдохнем и дальше пойдем!

Усевшись на засохшее бревно, она не стала счищать с него снег и влажную кору. Вроде бы и было весело, но сейчас она чувствовала внутреннюю потребность немного остановиться и посидеть. Вспомнив про письма, оставленные где-то на столе, чтобы она не забыла их взять собой, Зорью охватила досада.

«Вот зря Димьян тогда меня погнал спать», - ворчала мысленно девочка.

Да и ответ невозможно было ему написать – на каждом письме только название столицы. В большом городе живет много людей, не то что в Старом Поддубье. С другой стороны, хотела ли она узнать, где её батюшка? Ушёл и словом не обмолвился. Всё, что с ней произошло за последние полгода, тяготило девочку, и одновременно с этим она чувствовала освобождение. Батюшка ушел, а жизнь её течет точно так же, как и тогда. Хотя что-то внутри отзывалось тоской.

Она часто задумывалась, стоило ли столько времени тратить на то, чтобы стать двоедушницей. Ведь это ремесло не было таким уж увлекательным, как у той же колдуньи, однако только итог их был незавидным: колдовство сильно влияло на душу и тело и в зависимости от твоих действий могло сделать из тебя и страшную каргу, которой потом будут пугать детей. Но вот выбора у неё тогда не было, волхв сразу сказал, кем она станет. Будто каждый считал своим правом решать за неё.

Размышляя так, Зорька не заметила, как к ней подошел Димьян. Он уперся передними лапами в ноги обручѐнной, холодным носом касаясь щеки. Охнув, она чуть вздрогнула от неожиданности, отстранилась и посмотрела на охранителя. В пасти у Димьяна был цветок. Подснежник.

Вопросы о выборе ремесла как-то сами собой отпали, принимая цветок. Дух грустно проскулил и ободряюще уткнулся носом в щеку, будто говоря, что всё ещё впереди.

Отдыхать было некогда, девочка трудилась с утра до вечера. А дух-охранитель внимательно следил за ней, дабы от своего усердия она не переутомлялась, и периодически вытаскивал из дома на занятие со знахаркой из другой деревни. Иначе девочка не соглашалась бросать работу. Бабушка только удивлялась и руками разводила, как оживилась внучка, и была этому рада.

День празднования наступил незаметно, проснувшись рано утром и даже не позавтракав, двоедушница побежала смотреть, как мужчины из деревни ставят чучело.

- Добротно сделали в этом году, - краем уха услышала брошенную фразу барышень, что шли с утра за водой.

Довольная, она захихикала, сжимая кулачки. Не с кем ей было поделиться радостью, только с Димьяном. Она опустила на корточки, поглаживая волка и тихо говоря:

- Слышал? Они сказали, им понравилось.

Волк кивнул, и девчушка ещё больше заулыбалась.

- Пойдем прогуляемся до обеда? Не хочу домой идти, пока погода хорошая.

А она и правда была хорошей. Ещё не сошедший снег приятно морозил, а сияющее Ярило слегка припекало лицо. Вместе с духом они побежали за пределы деревни на главную дорогу и свернули к большому озеру.

Вдали проступил силуэт крупного существа, очертаниями напоминающего медведя. Сердце Зорьи пропустило удар, она была готова поклясться, что это был тот самый шатун, что ушел в глухой лес. Не скрываясь, он стоял на тропе. Вокруг медведя виделся тяжелый и тёмный дым, исходящий от поверхности его туши. После себя он оставлял странные следы, будто лапы его были испачканы в чем-то черном. Животное хоть и напоминало чем-то медведя, но половины головы не было, глаза отливали красным светом, а кое-где сквозь шкуру виднелись выступающие желтые кости, так сильно контрастирующие с его испачканной шкурой. И смотрел он на других детей, решивших погулять, как и Зорька. Она не знала их лично, но точно была уверена, они из её деревни.

Видящая достала из-за пазухи нож и побежала. Она торопилась, даже если шатун был больше и сильнее её - выбора у неё не было - она Видящая. И это был её долг и шанс показать, что она тоже чего-то стоит. Может сделать сама. Девочка была уверена, как никогда, и всё равно, даже если рука, сжимающая нож, дрожит, а в ушах слышится нарастающий шум. Зверь увидел для себя более желанную добычу, переключив внимание на двоедушницу. Она

ринулась вперед, надеясь его отпугнуть громким рыком, которым обычно пугали зверье ловчие. Хищник проигнорировал её писк, замахнулся лапой, от которой она увернулась. В мыслях Зорья поблагодарила волхва и ловчих, не зря они тренировали её с малых лет. Понимая, что крик оказался бесполезен, она прибегла к другому плану: дать детям убежать. Размахнувшись, она кинула нож, меж торчащих ребер, где погрузившись, он утонул в плоти. Существо взревело, обратив внимание на Зорью. Ребята не сразу сообразили, что им дали шанс на побег, но им все же воспользовались.

Из головы Видящей всё вылетело, и единственное, о чем она думала: не совершила ли она глупость? И как теперь выжить? Была ли она достаточно сильна?

Внезапно огромный белый волк налетел на существо, набросился на чудище, отбрасывая его назад. Ошеломленная Видящая не могла поверить, что это Димьян, но чувствовала связь как никогда. Поднимаясь на лапах, существо издало оглушающий скрипучий вой, рванув на духа-охранителя.

Вновь неудача постигла медведя.

«Надо помочь Димьяну!» - решительно подбодрила она себя.

- Стой на месте! – прозвучал будто бы из ниоткуда, юношеский голос ошеломивший её и заставивший озиаться в поисках его источника.

Пока она оглядывалась, Димьян ловко оторвал лапу существу, словно это была соломенная кукла. Вновь вой раздался над пролеском. И ответная атака, запачкавшая черным веществом белоснежную шерсть, решта надеялся сбежать. Волк же не дал уйти этому зверю, желая нанести вред обреченной, и постепенно разрывал ему конечности и дряхлую плоть, словно листья с дерева.

Растерянная, но послушная девочка не смела вмешаться. Взглянув на снег, на котором отпечатался след лапы медведя, она дотронулась до него. Темное вещество на снегу оказалось сажей.

«Как странно».

Когда же бой закончился, она быстро подбежала к Димьяну, собираясь его поблагодарить за спасение, радуясь услышанному голосу. Но волк оцетинился и рычал.

- Полоумная! – он явно злился, при этом поучая. – Ты не одна здесь была! Могла мне дать команду, и я бы защитил детей! Сама бы побежала за подмогой.

- П-прости, - еле пискнула двоедушница.

Из деревни к месту событий уже бежали несколько взрослых, заметив их движение краем глаза, дух-охранитель позволил им рассмотреть, что сама Зорька в безопасности. Потом шустро схватил её за шкуру, закинул себе на спину и большим прыжком пересек рошу, уносясь вместе с ней в сторону леса. Зорька до сих пор не пришла в себя. А затем и вовсе её скинули со спины в снег и усердно прикопали им же.

- Дура! Полоумная! – приговаривал волк, присыпая снегом подопечную, пытавшуюся выбраться из «ловушки». – Я всегда был рядом с тобой! И даже когда тебе грозила опасность, ты ни разу меня не позвала! Ринулась сломя голову! Сначала думай, а потом делай!

Под злые слова духа-охранителя Зорья получила небольшой перерыв и выползла из снега. Охранитель носился из стороны в сторону, всё ещё рыча. Понимание же, что она впервые слышит Димьяна, было радостным, но и капельку обидным, потому как первые слова, которые она услышала, были нравоучениями.

- Я пустое место? – зарычал дух. – Перьевая подушка, в которую можно плакать? Или мальчик на побегушках, который должен сторожить травницу и украсть письма? Почему-то тогда ты не забыла, что я рядом, а как опасность настала, то ты у нас героиня сказаний!

- Прости, - виновато опустила она голову. - Я не подумала...

- Она не подумала! А когда ты в последний раз головой пользовалась? – шерсть Димьяна вздыбилась. – Ты даже бабушку свою доводишь этим поведением! Думаешь только о себе! Как тебе плохо, никто тебя не любит! Какая ты одинокая и несчастная!

Слова остро кольнули юную девушку, Зорья отшатнулась. Подобное было больно слышать, даже если он прав. Она хотела закричать в ответ, оправдаться, но как? Димьян был всегда рядом, помогал и слушал. Она даже не воспринимала его как отдельную душу, особенно учитывая, что до этого не могла его слышать. Димьян был для неё как часть собственной души, просто почему-то не слушающий её саму. Теперь всё было иначе.

- Повторю свой вопрос, - он опасно сощурил глаза. – Пустое место?

Ошарашено смотря на волка, она поняла, что никогда не задумывалась над этим. Они должны были провести вместе всю жизнь, а после её смерти дух-охранитель отправится обратно в Навь и потеряет память о подопечной. Зорья раз за разом пользовалась его добротой безвозмездно. В горле пересохло, и она не знала, что сказать и как правильно сказать. Ведь Димьян мог бы почувствовать любую ложь.

- Семья... - тихо проговорила она.

Дух опешил от непосредственной откровенности и остановился напротив, внимательно смотря на девочку. Она не могла поднять глаз и теребила сарафан пальцами. С ней никогда не говорили настолько прямо, никто даже не пытался выяснять отношений. Все проходило будто само по себе. Та же бабушка хоть и помогала своей внучке, но лишний раз не трогала, пока та сама не приходила к ней за советом. Велимира не ругала никогда за оплошности. Зорья и не заметила, как отдалилась ото всех, и сама же создала то, в чем жила каждый день. А Димьян наблюдал за ней со стороны, все прекрасно видел, только не знал, как помочь и растормошить этого ребенка.

- Я сглупила, прости, - тихо всхлипнула девочка, стараясь сдержать слезы. - Надо было попросить тебя о помощи, но мне было все равно, что со мной случится. Даже если я умру, то единственный, кто по мне будет грустить, это бабушка.

Обещала она себе больше не плакать и потому сильно сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладонь. Однако, это не особо помогло почему-то. И боль не утихала внутри, будто большая открытая рана в душе. Такая странная и непонятная для самой двоедушницы.

- Но разве бабушка не стоит того, чтобы ты жила дальше? – уже спокойно произнес охранитель. - А я не буду грустить, если ты умрешь? И разве надо, чтобы кто-то грустил о твоей смерти?

- Но разве это говорит о том, что я кому-то нужна? - подняла глаза девочка, вглядываясь в большие голубые глаза волка.

- Мне нужна, - тихо произнес волк. - Бабушке. И у тебя целая жизнь впереди, ты можешь все поменять.

Они просто стояли напротив друг друга. Девочка чувствовала себя виноватой, потерянной. Она понимала, что поступила глупо. Понимала, что своими словами могла расстроить Димьяна. Все она понимала. Остановиться не могла. Будто что-то тянуло её к бесконечному саморазрушению, страданию близких и истязанию самой себя. Она не видела никакого смысла в своем существовании, потому и не дорожила своей жизнью. Друг же напротив предлагал ей иной путь, путь, которого ей так не хватало. Чтобы кто-то взял её за руку и повел вперед, и больше не чувствовать себя не нужной и потерянной в этом большом мире.

Множество сомнений и противоречий кричали внутри Зорьки. Она должна была довериться кому-то. Не решать всё самой в столь юном возрасте и, возможно, наконец-то обрести душевный покой. Но будет ли этот путь правильным для неё? Она не знала. Однако было будущее, где она бы могла получить капельку тепла, и был рядом дух-охранитель. И уже страшно было представить, если бы вдруг его не стало в её жизни. Дало бы мироздание ей шанс найти человека, который бы был лучше Димьяна. Погруженная в мысли девочка не заметила, как её

тело будто само потянулось к волку, и она крепко его обняла, утыкаясь в белоснежную шерсть с остатками сажи, подсознание сделало выбор. Он прикрыл глаза, прижимаясь к обручённой, укрывая её хвостом. Ему просто хотелось, чтобы Зорька была чуточку счастливее.

- Да, я поступила глупо, но я рада, что я могу теперь тебя слышать, - тихо произнесла она, и её глаза сверкали надеждой.

- Я тоже.

И они вновь замолкли. Димьяну не хотелось нарушать спокойствие, он впервые ощутил его у подопечной. Но понимал, что нужно произнести эти слова, иначе она может не понять и не запомнить или вовсе придумать потом что-то, что заставит её страдать.

- Я буду рядом и не брошу, - произнес дух. – Мы со всем справимся вместе.

Услышать это было для Зорьи важно, как дышать. Всё происходящее казалось несбыточной дремой. И что-то внутри неё окончательно сломалось. Со слезами утекало накопившееся внутри напряжение. Волк позволял ей обнимать себя, он тоже не знал, что их ждет впереди, но с первого дня для себя решил защищать и беречь девочку.

К ночи они вернулись домой. Велимира Павловна сильно ругалась на внучку, да и многие в деревне уже собирались идти искать её в лесу. Прервав ворчание, Зорька просто обняла её, и та прекратила ругаться.

- Иди в свою светлицу, - вздохнула женщина. – Кушать там не положено, но я принесу.

Она отодвинула внучку от себя, осматривая, всё как обычно: растрёпа от самой макушки до валенок. Женщина хотела, чтобы девочка перестала быть равнодушной к тому, как выглядит, но как бы бабушка не приучала и не прихорашивала Зорьку, возвращаясь из леса, та выглядела только так.

- По-хорошему тебя наказать бы, но оставим это на завтра, - хмыкнула Велимира, махнув рукой в сторону выхода.

- Спасибо, - устало улыбнулась внучка и ушла в свою почивальню.

Зайдя за порог, она стала стягивать с себя мокрую одежду. Решив, что он лишний, дух удалился.

- Ты вернешься? – озадаченно посмотрела ему вслед.

Он неопределенно махнул хвостом, буркнув под нос, что скоро вернется, а девочка пожала плечами и продолжила развешивать одежду перед трубой печи. Тем не менее её ждало теплое ночное шерстяное платье, подготовленное бабушкой. Зорька положила руку на грудь, ощутив что-то неприятное и давящее, шумно выдохнула, крепко сжав ткань. Скрипнула дверь, вошла бабушка, неся в руках тарелку с ухой и ложку. Поставила еду на стол рядом со светочем. За бабушкой тихой белой тенью вошел Димьян.

- Поешь и оставь тут, но накрой полотенцем, чтобы запах не распространялся, - настоятельно и строго произнесла Велимира Павловна. – Только насекомых нам в доме не хватало.

- Спасибо, - отстраненно произнесла внучка.

- И расчесаться перед сном не забудь, - погрозила ей женщина, выходя из светлицы, крепко прикрывая дверь.

Рассеянно проведя рукой по спутанным волосам, Видящая тяжело вздохнула. Когда она была совсем маленькой, бабушка ей сказала, что если не ухаживать за собой, то совсем порастешь мхом и плесенью и начнешь гнить заживо. Она вдруг заметила, что в какой-то мере действительно начала гнить.

- Чего стоишь? – прервал размышления Димьян. – Ешь суп, пока не остыл.

- А, - очнулась она, смутившись. – Забылась.

Уха была прохладной и очень вкусной. После долгого дня, еда вызывала в ней странное чувство...не голод, но близкое к этому.

- Куда торопишься? – ворчливо сказал Димьян. – Ещё прольешь на себя что-то. Медленнее.

Девочке подумалось, как тихо раньше было по вечерам. Однако послушалась и медленно доела, затем накрыла чашку, как просила бабушка. Ближе к кровати она поставила миску с крышкой, которая напоминала ей латку без ножек. В ней на дне раствора таился гребень. Как только девочка приподняла крышку, то сочный запах летних трав сразу наполнил светлицу. Аккуратно достав со дна искомую вещицу, она села на край кровати и начала расчесывать волосы.

- Димьян, - позвала она охранителя.

-М?

- А нельзя у духов помощи попросить, батеньку сыскать? – осторожно спросила обручѐнная о том, что её так беспокоило. – Вас же в Яви много.

- Людей тоже много, - хмыкнул он. - Разве не проще было бы спросить у живых, не видели ли они его?

- Тоже верно, - согласно вздохнула она.

- Вы, люди, для нас почти на одно лицо, - прикрыл глаза дух. – Встречаются среди вас яркие, добрые, лучистые. Рядом с такими как с летним Ярилом. Греют приятно. А есть холодные, темные. Или те, кто колдовство всякое ведают. Таких мы примечаем.

- А я? Какая я для тебя?

Ответа она не получила, только сдавленное хихиканье. Обиженно насупившись, девочка прекратила вечерний ритуал и быстро заплела легкую косу. Димьян лег за её спиной, согревая своим теплом.

- Между прочим, - решила все же сказать девочка. – У тебя очень красивый голос.

- Заискиваешь? – хихикнул за спиной дух.

- Ну тебя! – вновь возмутилась Зорька, насупившись.

«Вот когда молчал, спокойнее было!» - пробурчала она напоследок, падая в глубокий сон.

На занятия с Любоной она чуть не опоздала. Ранний подъем дался ей сложно, а уход за собой в таком сонном состоянии ещё сложнее. Зорья чуть не забыла захватить перекус и с удивлением наткнулась на Велимиру Павловну, которая почему-то до сих пор была дома.

- Куда? – строго спросила женщина.

- Ах, я ... - в голове Зорьки стали крутиться тысячи оправданий на этот счет, ведь она так и не рассказала о своих проблемах.

Раньше её никогда не спрашивали, куда она идет и что будет делать. Сейчас же вопрос ставил девочку в тупик.

- Правду скажи, - подсказал Димьян, усаживаясь рядом с двоедушницей.

Глаза женщины расширились, она слегка отшатнулась от волка, но, вспомнив, что он все же был изначально духом, а не обычным зверем, выдохнула. В то же мгновение в груди Велимиры Павловны разлилась гордость за внучку. Внешне она все же этого не показала, чтобы не сбивать воспитательный процесс. Давая много свободы, она и не заметила, как Зорька отдалась и решала все вопросы самостоятельно. Внучка нерешительно посмотрела в сторону духа-охранителя, а потом на бабушку. И рассказала всё. И как медведь убежал, и как она подружилась с Любоной, дочкой Добрыни, как она упросила эту знахарку о занятиях, потому что Ярима всячески намекала юной девушке, что учить её не будет. Не умолчала про письма, которые Иалу слал Зорьке из путешествия, а злая знахарка спрятала их. Умолчала только про встречу с подробностями о медведе, подумав, что незачем беспокоить семью лишний раз. А слова детей могут счесть и преувеличением. Найди еще потом, куда Димьян закинул куски решты.

- А вчера что случилось? Дети говорили про страшного зверя? – уже сидя на лавочке уточнила женщина.

- Да медведь тот из дремучего леса вылез, - рассеяно пожала плечами, поглядывая краем глаза на охранителя, тот молчал. – Димьян с ним справился.

- Ладно, - согласилась бабушка, смотря в пустоту. – Но почему же ты мне ничего не сказала про Яриму?

Повисло тяжелое молчание. Девочка рассеяно метала взгляд по трапезной, в конечном счете устремляя его за слюдяное стекло.

- Подумала, что ты глупостью сочтешь, - поджала она губы. – Как когда я хотела к батюшке в светлицу попасть. Для меня это было очень важно.

Велимира молчала, она прожила многие лета, и каждый раз жизнь давала ей новые уроки. Получалось, если она считала, что делает во благо внучки, то на самом деле это было вовсе не так. Но вот только все равно не пожалела, что заперла знания, хранящиеся в светлице Владимира. Мала была ещё сама Зорька для этого. Да и кто знает, где бы была эта маленькая девочка сейчас, узнай, что изучал её батюшка.

- Ты права, - согласно кивнула женщина, а девочка удивлённо на неё взглянула. – Но мое слово твердое, сейчас учись. Если помощь нужна с Яримой или ещё кем, то ко мне иди. Хватит стесняться и все самой делать. Помогу, чем смогу. Или вместе подумаем. Мало опыта ещё, чтоб все сама решать могла, помощь нужна. А наказание...

- Наказание? – вздрогнула под строгим бабушкиным взглядом Зорька.

- Наказание, - повторила бабушка. – Раньше тебе давала учиться спокойно, новое познавать. От помощи отказывалась твоей. Теперь каждый день будешь терем убирать.

Девчушка ойкнула, но возразить не смела, подумав, что ещё легко отделалась за всё произошедшее. Ведь созналась она в том, что письма вернула не честным способом, воровством. А за это и наказать суровее могли. Даже если письма изначально предназначались ей.

- Хорошо, - согласно кивнула девочка. – Тогда я пойду?

- Идти-то иди, но не забудь днём на праздник заглянуть, - улыбнулась по-доброму женщина. – Семидницу всего длится масленица. Гуляют наши, да соседи в гости приходят. Может, присмотришь юношу какого!

- Бабушка! – подскочила с лавочки раскрасневшаяся Зорька, хватая, под смех женщины, пирожок со стола. – Я очень спешу!

Мигом она выбежала за двери, накидывая по дороге шубку и держа во рту пирожок. Её догнал волк с узелком. Дожевав сладкое угощение, она собиралась вытереть руки о подол сарафана, но под выразительным взглядом Димьяна «умыла» руки в снегу и взяла поклажу духа.

- Что это?

- Бабушка твоя переживала, что ты замёрзнешь от голода, ведь только пирожок съела перед уходом, - прозвучал ей ответ.

Вспомнив недавний разговор, Зорька вновь раскраснелась, ускоряя шаг. Она понимала, что никто насильно её не заставит искать жениха, с Видящими так никогда не поступали.

- Зорька, ты переживаешь из-за слов бабушки? – догадался волк.

- Не то чтобы, - поёжилась обручённая. – Меня сейчас смущает эта тема и всё. К тому же зачем мне кто-то, когда у меня есть ты!

Она повела плечами, давая понять, что больше разговаривать об этом не хочет. Многое изменялось в жизни Зорьки, и было страшно от того, насколько стремительно развивались эти события. Любовь к жениху звучала уж слишком сложно.

Они добрались до озера, где уже ждала Любона. Женщина была тепло закутана, как и Зорья и стояла в глубокой задумчивости, что делало травницу не похожей на саму себя и даже не заметила подошедшую Видящую.

- Здравствуйте! – весело поздоровалась девочка, оставляя все печали позади.

- Зорька! - оживилась женщина, улыбаясь. – Рада тебя видеть.

Былая грусть улетучилась с лица знахарки, и Зорька почувствовала, что её рады видеть. Тем не менее она не могла выкинуть из головы тот печальный образ, который предстал ей, когда она подошла:

- Простите, вас что-то беспокоит?

Женщина нерешительно осмотрелась по сторонам, проверяя, нет ли кого-то рядом.

- Слухи ходят, что погань всякая бродит в округе, - аккуратно начала она, теребя платок на голове.

- Мы с Димьяном разобрались, можете не переживать, - гордо выпрямилась девочка. – Он был один.

- Не это меня беспокоит, - слабо выдохнула собеседница. - Для наших краев в принципе не привычно такое.

Зорька задумалась. Она вспоминала духов и решт, коих видела сама: неуспокоенные души, хозяева леса и дома, мертвые женщины и дети. Последние самые жуткие, пожалуй, ну из тех, что встретила Зорья.

- Если хотите знать мое мнение, то так бывает, что и полудница забредет в наш тихий край, - почесала свой нос двоедушница, чтобы незаметно глянуть в сторону волка. - Как бы мы не хотели, но они часть нашего мира, и многие даже не желают нам зла, пока мы уважаем их правила. То, что случилось на днях, просто случайность. Возможно, это зверь Костяного Царя заблудился. Или решта завладел телом того шатуна, которого мы встречали.

- Хм, - задумчиво посмотрела в небо женщина. – Тогда будем надеяться, что Царь не будет гневаться на нас. Вернулся б Волхв поскорее, в такие суровые времена он нам нужен как никогда. Или придется уповать на защиту нашего Хозяина Леса.

После короткого разговора они начали урок, двоедушница ощущала, что её слова не сильно успокоили Любону. Но на самом деле ни Зорька, ни Димьян не знали, откуда эта решта взялась. Было во всем этом что-то настораживающее и чуждое. Однако, пока других существ не появилось, то решили, что это чье-то баловство с черным колдовством. Вспомнился ещё один медведь, что убежал в глубины леса, однако, как известно, оттуда не возвращаются.

К вечеру девочка вернулась домой и принялась за уборку терема. Димьян не стал помогать ей, а вовсе сбежал, как только Зорька достала все для уборки. За это мысленно был окрещен предателем. Хотя, чем он тут мог помочь? Скорее бы раздражал.

Повторяя сегодняшний урок, девочка вяло водила метлой по половицам, сгоняя сор в кучку. Подмечая, что ничего особо убирать и не надо. Она не помнила, когда в последний раз общалась с хозяином своего дома. Характер их домовика был тихим, кротким, он изредка появлялся из темных углов или из-под лавочек и тут же исчезал. Бабушка рассказывала, когда Зорье было пять лет от роду, она часто бегала за ним и он играл с ней. Сама же не могла этого вспомнить. Воспоминания Зорьи были размытыми о том времени. Только ужас от того, как она чуть не умерла в возрасте пяти лет, был жив в ней. Домовой тем не менее, так же, как и бабушка, поддерживал дом в ухоженном состоянии. Девочка улыбнулась своим мыслям, понимая, как много она не замечала последнее время. Закончив уборку, она решила угостить хозяина их дома медом. Оставив блюдо с даром, она стала ждать, когда появится домовый дух.

Ничего не произошло.

Ещё немного подождав, она отправилась искать Димьяна. Волка на улице не оказалось. Девочка растерялась и не сразу сообразила, что нужно прислушаться к своим ощущениям. Так она примерно могла понять, в каком направлении находится дух-охранитель. Это было очень странно, но будто где-то издали дул теплый ветерок, манящий к себе. И чем ближе она подходила, тем яснее было чувство тепла.

Димьян сидел на пеньке.

- Хочешь прогуляться? – посмотрел в её сторону дух. – Бабушка хотела, чтобы ты там была.

- Думаешь, нужно сходить? - неохотно протянула девочка.

- Думаю, будет весело, - парадировав её тон, зверь соскользнул с пенька и цапнул зубами край шубы.

- Идем-идем! - согласилась девочка.

Не успели они отойти от терема и пару шагов, как одна из женщин деревни, чье имя Зорька не могла вспомнить, окликнула её. Она как раз пришла за Видящей, чтобы пригласить на праздник. Такая забота показалась настораживающей и неуютной. И тут Зорью почти сразу окружили дети, они прыгали вокруг нее и благодарили за спасение. Видящая не ощущала своей заслуги в спасении детей, но постаралась не расстраиваться из-за этого. Дети стали расспрашивать Видящую, и их вопросов было так много, будто бы их копили не один год в ожидании удобного случая.

- А сложно было стать двоедушницей? - спросил мальчишка с такими же темными волосами, как у самой Зорьки.

- Не знаю, у меня не было выбора, и я готовилась к этому всю жизнь.

- Прямо всегда-всегда духов видишь? - перебила её другая девочка с зелено-серыми глазами, чей цвет напомнил Зорьке о начале весны.

- Почти да... Но не стоит их беспокоить и слишком пристально смотреть, им не нравится это.

- А сейчас они здесь? - тут же вклинился маленький мальчишка.

Под напряженными взглядами девочка огляделась вокруг и наткнулась только на довольного волка. Димьян сидел рядом с бабушкой, и она что-то ему рассказывала, и чуть щурил глаза, наблюдая за Зорькой. Других духов в округе не наблюдалось. Многие смертные большую часть жизни могли и не встретить духов, да они и не видели их, но вот традиция создавать одежду-оберег у деревенских была.

- Вижу только Димьяна, - покачала она головой.

- Так волка твоего зовут?

- Да.

Детям очень хотелось погладить волка, но они стеснялись подойти к Велимире Павловне. На юную двоедушницу посыпались новые вопросы. Даже парнишка, который не раз мягко дразнил Зорью, дергая за волосы, вел себя довольно спокойно. Наконец дети побежали перекусить к накрытому празднично столу, только мальчик с темными волосами и девочки со светлыми остались рядом и продолжали болтать с Видящей. Зорья чувствовала себя чужой среди детей, но надеялась, что голос звучал уверенно.

- Значит, после масленицы ты каждый год ходишь к лешему с дарами? - поинтересовался Дарен и тут же был тыкнут в бок. - Ай! За что?

- Не Леший, а Хозяин леса, - поправила его девочка, как узнала Зорья, её имя было Святослава - таким именем часто называли светловолосых. - Он добр и справедлив к нам, а еще защищает от решт.

- Только зимой он спит, - фыркнул мальчишка.

- Да, к местному, - кивнула Зорья, чуть улыбнувшись. - Нужно поприветствовать его с пробуждением и попросить благословение для нашей деревни.

- А если в деревне нет Видящего, то кто этим всем занимается? - задумался парень, смотря на потемневшее небо, на нем проступали через облака последние зимние звезды.

- Старцы, - пожала плечами Зорька. - Или глава деревни.

- А можно нам с тобой? - оживилась новая подружка двоедушницы.

Вопрос поставил Зорью в тупик. Брать с собой их было нельзя. Волхв всегда говорил, то, что могут видеть Видящие, не должны видеть смертные. Однако, так же он говорил, что такие, как Зорька, должны направлять людей и учить жить в гармонии с миром.

- Я не уверена. Это не запрещено, конечно, - замялась она. - Если обещаете слушаться.

- А что, это как-то сложно? Разве мы не просто придем, отдадим еду и всё? – лениво протянул мальчишка, потягиваясь.

- Ох, нет, - качнула головой Зорька, и только она хотела продолжить говорить, как её тут же прервали.

- Дарен!

- Святослава!

Детей позвали их родители. Ребята ещё раз отдельно поблагодарили Зорьку за спасение друзей. От их благодарности ей даже стало неловко.

- Бабушка разрешила тебе погулять сегодня допоздна, - произнес уже знакомый и родной голос духа. Димьян, неуверенный в том, что обручённая его слышит, позвал её по имени. – Зорька?

- А? – рассеяно отозвалась она. – Звучит хорошо.

Они покинули центр деревни, направляясь в сторону реки. Девочка шла чуть впереди, задумчиво посматривая на противоположный берег. Кое-где через первые проталины уже проглядывала трава. И чем меньше было снега, тем темнее всё было вокруг.

- О чем говорили с бабушкой? – нарушила тишину Зорька.

- О твоей маме.

Девочка вздрогнула, стало немного страшно, а вот если Димьян начнет сравнивать их, ведь она тоже была двоедушницей. Весьма талантливой, хоть и не достигла оборота.

- Получается, силы Видящих передаются у вас из поколения в поколение? – продолжил он, не замечая её настроения. – И теперь вы занимаетесь проводами усопших?

- Получается, так, - Зорька старалась, но не могла скрыть напряжённую холодность.

Они вновь замолкли. Сегодняшние события выбили девочку из душевного равновесия. Зорька остановилась, и волк еле успел понять, что она не идет рядом. Дух повернул голову в сторону обручённой, та наблюдала за тучами.

- Мне кажется, что они должны были говорить спасибо тебе за спасение детей, а не мне, - она повернула голову в сторону духа, на её лице отразилась досада.

Димьян напрягся.

- Ты не права, если бы не твой каждодневный труд – меня тут бы не было.

- Но ты же не появился после того, как я прошла обряд, - Зорька достала из-за ворота криво вырезанный брусочек дерева, который так и не был обработан как следует и перевязан жгутом. – И не мог говорить со мной долгое время.

- Потому что ты сама не знаешь порой, чего желаешь, - терпеливо отвечал он. – Дух, обретающий тело через обручение с душой двоедушника, лишь отражение сокровенного желания и стремления самого обрученного. Я мог быть любой другой формы, если бы ты была другим человеком. Честность с собой – важный шаг к пониманию себя.

...

- Ты просила о помощи, и я пришел, - закончил охранитель, увеличиваясь в размерах и подходя ближе к девочке.

Озадаченно смотрела она на него, не понимая, когда могла просить о помощи. А он потерся носом о волосы Видящей, легко фыркая, окатывая прохладной волной воздуха, отвлекая, он вынуждал её погладить себя по лбу и почесать за ушком. Дух сощурил глаза, будто был обычным волком, а не существом с другой стороны мира.

- Ты же пришел из Нави? Как там?

- По-своему красиво, но кругом пустыня, - отозвался Димьян, махнув хвостом. – Там есть сады, но их мало, и они строго охраняются. Духи вроде меня там чужаки, а вот умершие и не завершившие дела обретают новый дом.

- Помнишь ли ты что-то оттуда?

- Мало, многое мне просто не позволено рассказывать. А некоторое я и сам не помню, кажется, будто с каждым выходом в Явь я теряю часть себя прошлого... - Последнее дух сказал с тоской.

- Разве это не плохо?

- Это приносит облегчение и шанс создать нового себя, — он прилег перед ней. — Давай доезжу до дома, пора уже спать.

Не было причин отказываться от предложения, и она забралась на спину духа-хранителя. Сейчас он шел спокойно, размеренно.

- Но почему нельзя ничего рассказывать Видящим?

- Потому что мироздание любит вас, а любовь развращает. Путь к цели, которую вы ищете, должен быть вытоптан вашими же ногами. И мир раскроет перед вами все двери.

Чтобы не привлекать внимания деревенских жителей, они решили обойти её кругом. Медленный шаг, еле уловимое покачивание убаюкивали. Девочка была готова заснуть прямо на спине Димьяна и еле удерживала себя от этого. Они пришли к дому. Зорья спрыгнула с волка, и тот мгновенно стал привычных размеров. Девочке показалось это интересным, и она спросила:

- Димьян, а почему ты не всегда такой большой?

- Для этого требуются затраты сил не только моих, но и твоих. Я стараюсь не использовать твой запас, — сказанное волком кольнуло сердце девочки.

- Я слишком слаба? — насупилась видящая.

- Нет, твое здоровье для меня главное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.